

С.А. Сафронов

П.А. СТОЛЫПИН: РЕФОРМАТОР
НА ФОНЕ АГРАРНОЙ РЕФОРМЫ

В двух томах

ТОМ 1. ПУТЬ К ПОЛИТИЧЕСКОМУ ОЛИМПУ

Монография

Гуманитарный институт

СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
SIBERIAN FEDERAL UNIVERSITY

Сергей Сафронов

**П.А. Столыпин: реформатор на
фоне аграрной реформы. Том 1.
Путь к политическому олимпу**

«Сибирский федеральный университет»

2015

УДК 94(470+571)
ББК 63.3(2)533-210.6

Сафронов С. А.

П.А. Столыпин: реформатор на фоне аграрной реформы. Том 1.
Путь к политическому олимпу / С. А. Сафронов — «Сибирский
федеральный университет», 2015

ISBN 978-5-7638-3211-2

В первом томе монографии рассматривается процесс становления П.А. Столыпина как личности и реформатора и его вклад в разработку программы аграрных преобразований, освещается деятельность правительства П.А. Столыпина и его ближайших помощников: А.В. Кривошеина, С.Е. Крыжановского, В.И. Гурко, В.Н. Коковцова и т. д. Исследуются специфика исторической ситуации, в которой приходилось жить П.А. Столыпину, ее влияние на его характер и взгляды. Предназначена для научных работников, преподавателей и аспирантов.

УДК 94(470+571)
ББК 63.3(2)533-210.6

ISBN 978-5-7638-3211-2

© Сафронов С. А., 2015
© Сибирский федеральный
университет, 2015

Содержание

Список сокращений	5
Введение	6
1. П.А. Столыпин в 1862–1902 гг.: формирование личности и взглядов	20
1.1. 1862–1881 гг.: детство и юность, гимназический период	20
Конец ознакомительного фрагмента.	38

С.А. Сафронов
П.А. Столыпин: реформатор на
фоне аграрной реформы. Том 1.
Путь к политическому олимпу

Список сокращений

Д. – дело

лес. -десятина

ГАИО – Государственный архив Иркутской области

ГАКК – Государственный архив Красноярского края

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации (г. Москва)

ГУЗиЗ – Главное управление землеустройства и земледелия

Л. – лист

М. – Москва

МВД – Министерство внутренних дел

Оп. – опись

ОР – Отдел рукописей

Отд. – отделение

РГБ – Российская государственная библиотека

РГИА – Российский государственный исторический архив (г. Санкт-Петербург)

СПб. – Санкт-Петербург

Ст. – статья

Ф. – фонд

Введение

В начале XX в. Россия оказалась на пороге масштабного политического кризиса. После отмены крепостного права начала разрушаться главная опора монархической власти – система земельной аристократии. Значительная часть помещичьих хозяйств без рабского труда крепостных крестьян стала просто нерентабельной. Задача аграрной реформы П.А. Столыпина состояла в том, чтобы вырастить на месте той части помещиков, которая разорилась, класс новых земельных собственников капиталистического типа, которые смогли бы адаптироваться к новой социально-экономической системе и стать опорой существовавшего режима. Место земельной аристократии должен был занять средний класс: порождение нового рыночного общества поддерживало бы средневековую монархию. Постепенно из верхушки этого среднего класса появились бы буржуазные земельные «магнаты», наподобие тех, которые были до отмены крепостничества. Тема предлагаемой работы остается актуальной и в настоящее время, поскольку попытки встроить Россию в мир капиталистического производства не прекращаются и сейчас. При этом часто совершаются те же ошибки, что и во времена П.А. Столыпина. Между тем в истории нашей страны существует значительный опыт неудачной попытки построить капитализм в сжатые сроки. «Двадцать лет покоя» слишком маленький период для изменения сознания такого большого народа, как русские.

В монографии исследовано развитие П.А. Столыпина как личности и политического деятеля, а также проведение курса его основных реформ. При этом автор хотел бы проследить формирование экономических взглядов П.А. Столыпина, а особенно эволюцию взглядов реформатора по крестьянскому вопросу; изучить механизм проведения столыпинской аграрной реформы; оценить его социально-экономические взгляды; проанализировать роль П.А. Столыпина в подавлении первой российской революции 1905–1907 гг.; рассмотреть взаимоотношение реформатора с членами его правительства; проследить ход и степень интенсивности землеустройства и реформы крестьянского надельного землевладения; выяснить, насколько подготовленными оказались землеустроительные службы Сибири к отводу большого количества земельных участков для прибывавших новоселов; проанализировать ход переселенческого дела, эффективность различных служб Переселенческого управления на местах; сформулировать выводы, вытекающие из анализа хода реформ.

Хронологические рамки исследования охватывают период второй половины XIX в. – начала XX в. Объясняется это тем, что формирование политико-экономических взглядов П.А. Столыпина, его карьерный рост, а также сами его реформы происходили именно в этот период.

Методологической основой исследования является принцип объективности, а также многосторонний подход к анализу общественных явлений. Сильная сторона формационного метода состоит в том, что на основе определенных критериев он создает четкую объяснительную модель всего исторического развития. История человечества предстает как объективный, закономерный, поступательный процесс. Ясны движущие силы этого процесса, основные этапы. Однако формационный подход предполагает однолинейный характер исторического развития (исторические исследования показали, что и в Азии, и в Европе развитие определенных стран (например, России) не всегда можно вставить в схему смены формаций); решающее значение в объяснении исторических явлений отводится объективным, внеличностным факторам, а основному субъекту истории – человеку предназначена второстепенная роль; исторический процесс в этой методологии описывается преимущественно через призму классовой борьбы, отсюда наряду с экономическими значительная роль отводится политическим процессам.

Методологии формационного подхода в современной исторической науке в какой-то мере противостоит методология цивилизационного подхода. Основной структурной единицей

исторического процесса, с точки зрения этого подхода, является цивилизация – целостная общественная система, включающая в себя различные элементы (религию, культуру, экономическую, политическую и социальную организацию и т. д.), которые согласованы друг с другом и тесно взаимосвязаны. Каждый элемент этой системы несет на себе печать своеобразия той или иной цивилизации. Это своеобразие весьма устойчиво. И хотя под влиянием определенных внешних и внутренних воздействий в цивилизации происходят определенные изменения, их некая основа, их внутреннее ядро остается неизменным.

Методологический принцип историзма также помог рассмотреть исследуемые процессы с учетом тех экономических и политических условий, в которых они находились. Метод сравнительно-исторического анализа обусловил возможность выяснения степени реализованности задуманных правительством преобразований. В ходе работы над монографией использовался проблемный подход, а также другие общенаучные методы: синтез, индукция, дедукция, систематизация, аналогия, моделирование, восхождение от абстрактного к конкретному, системный анализ и его производные (например, структурно-функциональный анализ). Применялись и конкретно-предметные методы исследования – ретроспективный, статистический и др.

В процессе работы над данным исследованием автор использовал большое количество работ, посвященных деятельности П.А. Столыпина. В целом хронологически историографию данной проблемы можно разделить на следующие периоды: 1) в 1906-м – октябре 1917 гг. господствовала официальная точка зрения правительства П.А. Столыпина и отчасти получили популярность произведения авторов, принадлежавших к либерально-демократическому лагерю; 2) ноябрь 1917-го – середина 1930-х гг. – продолжали существовать некоторые старые исторические школы (в основном либерально-демократического направления), но в то же время началось становление марксистско-ленинской исторической школы; 3) вторая половина 1930-х – первая половина 1950-х гг. – развитие и господство марксистско-ленинской исторической школы сталинского периода; 4) вторая половина 50-х – 1987–1988 гг. – время существования постсталинской советской исторической науки и появления многочисленных фундаментальных научных работ по аграрной реформе П.А. Столыпина; 5) с 1987–1988 гг. по настоящее время – переосмысление исторических ценностей, осуществляется трансформация исторической науки, по-новому освещается деятельность одного из главных реформаторов XX в. – П.А. Столыпина.

В первый период истоки официальной историографии нужно искать в высказываниях председателя Совета министров П.А. Столыпина, Главноуправляющего землеустройством и земледелием А.В. Кривошеина, начальника Переселенческого управления Г.В. Глинки. Официальная концепция была представлена в целом ряде ведомственных изданий Министерства земледелия и государственных имуществ (по Указу от 6 мая 1905 г. – Главное управление землеустройства и земледелия), Совета министров, Министерства путей сообщения, Переселенческого управления (журнал «Вопросы колонизации»), а также в трехтомном труде «Азиатская Россия»¹. В данных работах (в связи с установкой на создание частного крестьянского землевладения) освещались немногочисленные в Сибири частновладельческие хозяйства, положение которых приукрашивалось. Сверх того, были несколько пересмотрены некоторые вопросы переселенческой политики. Так, изменилась оценка самовольных переселений. В частности, в ряде публикаций позднего периода столыпинской реформы (в отличие от периода реформ

¹ Известия Главного управления землеустройства и земледелия. СПб.: Сельскохозяйственное ведомство за 75 лет его деятельности (1837–1912) / сост. Г.К. Гинс, П.А. Шафранов. СПб., 1914; Тресвятский В.А. Итоги переселенческого дела за Уралом с 1906 по 1916 г. // Вопросы колонизации. 1917. № 20. С. 45–86; Введенский И. Переселение и аграрный вопрос // Вопросы колонизации. 1909. № 5. С. 1–78; Соколов М. Землеустройство Иркутских бурят в связи с колонизацией Иркутской губернии // Вопросы колонизации. 1909. № 5. С. 138–157; Чиркин Г. К вопросу об урегулировании земельных отношений переселенцев // Вопросы колонизации. 1908. № 3. С. 130–136; Гинс Г. Переселение и колонизация // Вопросы колонизации. 1913. № 12. С. 16–64; Азиатская Россия: в 3 т. СПб., 1914.

Александра II, когда отношение правительства к самовольным переселенцам было враждебным) самовольные переселенцы назывались «пионерами сибирской колонизации», а ограничения, ранее созданные на пути свободного переселения в Сибирь, объявлялись устаревшими². Ценные материалы содержат и труды одного из главных идеологов столыпинской аграрной реформы датчанина А.А. Кофода³.

На наш взгляд, среди исследователей столыпинских преобразований этого времени особого внимания заслуживают труды А.А. Кауфмана, который являлся наиболее значительным теоретиком и историком аграрной реформы П.А. Столыпина. Он был либералом. В его работах исследуется широкий круг проблем: землеустройство, землепользование (особенно крестьянской общины в Сибири), переселение. А.А. Кауфман видел причины аграрного кризиса в России в экстенсивной форме ведения хозяйства и низкой агрономической культуре, что вызывало малоземелье, так как для ведения экстенсивного хозяйства требовалось большее количество земли, чем для интенсивного. Выход из этого положения он видел в повышении интенсификации сельскохозяйственного производства⁴.

Марксистский взгляд на столыпинскую аграрную реформу начал разрабатывать В.И. Ленин. Он писал: «Столыпин, верой и правдой служивший "объединенному совету крепостников" и проводивший его политику, говорил сам: "Дайте мне 20 лет покоя, и я реформирую Россию". Под "покоем" он понимал покой кладбища, покой молчаливого, овечьего перенесения деревней неслыханного разорения, обнищания, которое на нее обрушилось. Под "реформированием" России Столыпин понимал такую перемену, чтобы в деревне остались только довольные помещики, довольные кулаки и живоглоты, да раздробленные забитые, беспомощные и бессильные батраки»⁵.

В целом В.И. Ленин делил столыпинскую аграрную реформу на две составляющие: а) переселение и б) раздел общины на хутора. Хуторян, в свою очередь, он разделял на два разряда: «Один разряд хуторян, ничтожное меньшинство, это – зажиточные мужики, кулаки, которые и до нового землеустройства жили отлично. Такие крестьяне, выделяясь и скупая наделы бедноты, несомненно, обогащаются за чужой счет: еще больше разоряя и закабалая массу населения. Но таких хуторян... совсем немного. Преобладает, и преобладает в громадных размерах, другой разряд хуторян – нищие, разоренные крестьяне, которые пошли на хутора от нужды, ибо им некуда деться»⁶.

Разрабатывал В.И. Ленин и переселенческий вопрос. В 1907–1908 гг. он написал ряд статей по аграрному вопросу, в которых поставил вопрос о переселениях⁷. В 1912–1913 гг. В.И.

² Ленский И. Самовольное переселение и переселенческое законодательство // Вопросы колонизации. 1914. № 14. С. 96–120.

³ Кофод А.А. Крестьянские хутора на надельной земле: в 2 т. СПб., 1905; Кофод А.А. Хуторское расселение. СПб., 1907; Кофод А.А. Внутреннее землеустройство. СПб., 1909; Кофод А.А. К вопросу о практическом обучении крестьян сельскому хозяйству. СПб., 1912; Кофод А.А. Русское землеустройство. СПб., 1914; Кофод А.А. 50 лет в России (1878–1930 гг.). М., 1987.

⁴ Кауфман А. А. Переселение и колонизация. СПб., 1908; Кауфман А.А. Земельный вопрос и переселение // Сибирь (Ее современное состояние и нужды). СПб., 1908. С. 79–140; Кауфман А.А. К вопросу о принципах и вероятной будущности русских переселений // Труды юридического общества, состоящего при императорском Московск. ун-те. М., 1908. Т. 2; Кауфман А.А. Сибирское переселение на исходе XIX в. СПб., 1901; Кауфман А.А. Переселение и его роль в аграрной программе // Аграрный вопрос. М., 1905. С. 134–170; Кауфман А.А. Переселение (Мечты и реальность). М., 1906; Кауфман А.А. Община и ее успех в сельском хозяйстве Сибири (Община, переселение, статистика). М., 1915.

⁵ Ленин В.И. К вопросу об аграрной политике (общей) современного правительства // Полн. собр. соч. М.: Политиздат, 1958–1983. Т. 23. С. 264.

⁶ Там же. С. 265–270.

⁷ Ленин В.И. Проект речи по аграрному вопросу во II Государственной Думе // Полн. собр. соч. М.: Политиздат, 1958–1983. Т. 15. С. 127–160; Ленин В.И. Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции // Полн. собр. соч. М.: Политиздат, 1958–1983. Т. 16. С. 103–413; Ленин В.И. Аграрный вопрос в России к концу XIX в. // Полн. собр. соч. М.: Политиздат, 1958–1983. Т. 17. С. 57–137.

Ленин написал несколько специальных работ о переселениях⁸. В научных трудах этого периода он сформировал марксистский взгляд на переселение, указывая на пагубное влияние феодально-крепостнических пережитков на колонизацию России. Успех переселения В. И. Ленин прежде всего связывал с ликвидацией помещичьих хозяйств. Отчасти это утверждение является верным, так как нередко помещики, стремясь удешевить стоимость рабочих, сознательно тормозили переселенческое движение. В.И. Ленин также отмечал низкое качество земледельческих работ, указывал на ограничения, которые в ряде случаев ставились переселенцам, в выборе места водворения. Негативно оценивая столыпинскую реформу, В.И. Ленин считал: «Ломка должна быть крутой, потому что несоответствие чересчур велико, потому что старое слишком старо, болезнь чересчур запущена»⁹.

Особое место в буржуазном направлении занимала областническая концепция П.М. Головачева¹⁰. В трудах этого ученого содержатся интересные наблюдения о влиянии Сибирской железной дороги на различные стороны экономической жизни Сибири, о формах найма крестьян. Однако П.М. Головачев также отрицал наличие общих закономерностей в развитии Европейской России и Сибири, чрезмерно преувеличивая различия между русскими-сибиряками и жителями центра страны. Эта мысль перекликалась с мнением Г.Н. Потанина, искавшего «идею» областничества «в целях сибирского крестьянства»¹¹. В связи с этим также интересны взгляды Д.М. Головачева¹². Он объяснил провал попытки насаждения помещичьего землевладения в Сибири климатическими условиями и неорганизованностью сбыта продукции. Первое утверждение Д.М. Головачева не совсем верно, второе же имеет под собой полное основание, так как плохие дороги довольно часто мешали развитию в Сибири крупных товарных хозяйств. Автор также неверно считал сибирскую деревню сплошь «трудовой», не имеющей основы для капиталистического развития. Внесли областники свой вклад и в изучение процесса переселения¹³. Их недостатком является то, что они неправильно противопоставляли крестьянство Сибири крестьянству Европейской России, считая первых носителями сепаратистских идей.

В 1910 г. появляется, по сути, первая прижизненная биография П.А. Столыпина. Очерк, изданный в Риге П.Н. Кречетовым, открыл премьеру для современников, которые знали о нем в основном понаслышке. В брошюре наряду с известными фактами были изложены любопытные сведения о быте, семье, привычках реформатора¹⁴. Далее следует назвать труд Е.В. Варпаховской, который был издан отдельными частями и книгами в Санкт-Петербурге в 1909 и 1911 гг. Этот труд, основанный на публикациях прессы, стал на многие годы основным источником информации о работе и, частично, личной жизни премьер-министра. Интересно, что издание первого сборника, охватывающего период с 8 июля 1906 г. по 8 июля 1908 г., было благосклонно встречено самим П.А. Столыпиным¹⁵. Вторым заметным изданием о П.А. Сто-

⁸ Ленин В.И. Перспективный вопрос // Полн. собр. соч. М.: Политиздат, 1958–1983. Т. 21. С. 325–326; Ленин В.И. Значение переселенческого дела // Полн. собр. соч. М.: Политиздат, 1958–1983. Т. 23. С. 103–109; Ленин В.И. Еще раз о переселенческом деле // Полн. собр. соч. М.: Политиздат, 1958–1983. Т. 25. С. 128–130.

⁹ Ленин В.И. Сущность «аграрного вопроса» в России // Полн. собр. соч. М.: Политиздат, 1958–1983. Т. 21. С. 310.

¹⁰ Головачев П.М. Сибирь, природа, люди, жизнь. М., 1902; Головачев П.М. Экономическая география Сибири. М., 1914.

¹¹ Потанин Г.Н. Областническая тенденция в Сибири // Сборник к 80-летию Г.Н. Потанина. Томск, 1915. С. 89.

¹² Головачев Д.М. Сельское хозяйство крестьян Енисейской губернии и условия его развития // Труды Краснояр. отд-ния Москов. общества сельского хозяйства. Красноярск, 1903. Вып. 3. С. 42–80.

¹³ Потанин Г.Н. Областническая тенденция в Сибири. Томск, 1907; Козьмин Н. Областничество // Сибирские записки. 1918. № 1.

¹⁴ Кречетов П.И. Петр Аркадьевич Столыпин: Его жизнь и деятельность. Рига: Тип. Л. Бланкенштейна, 1910.

¹⁵ Варпаховская Е.В. Государственная деятельность председателя Совета министров статс-секретаря Петра Аркадьевича Столыпина: в 3 т. СПб.: Изд-е составителя (Е.В. Варпаховская), 1911.

лыпине стал выпущенный в 1912 г. отдельной книгой очерк кадета А.С. Изгоева (Лянде)¹⁶, который содержал определенную долю критики реформатора.

Во второй период (ноябрь 1917 г. – середина 1930-х гг.) вопросы развития капитализма в сельском хозяйстве освещались в книге С.М. Дубровского, посвященной столыпинской реформе¹⁷. Автор придерживался марксистско-ленинской идеологии. Аграрный капитализм он рассматривал на общерусском фоне капитализации сельского хозяйства. Причины, тормозящие развитие аграрного капитализма в Сибири, С.М. Дубровский видел в полукрепостнической собственности на землю, выкачивании средств из сельского хозяйства, большая часть которого, по его мнению, уходила на непроизводительное потребление господствующих классов Европейской России, за границу или капитализировалось в отечественную русскую промышленность. Недостаток средств сдерживал переход к интенсивному земледелию. В 1930 г. вышла еще одна книга С.М. Дубровского, в которой исследовалась тема столыпинской реформы¹⁸. В ней были введены в научный оборот документы из архивов Главного управления землеустройства и земледелия и Земского отдела Министерства внутренних дел. Однако вопросам переселения в ней уделено не слишком много внимания.

Заслуживает внимания и вышедшая несколько раньше работа советского историка Н. Карпова¹⁹. В его книге увидели свет некоторые новые, не опубликованные ранее документы и материалы. Тем не менее, как и предыдущий автор, Н. Карпов почти не разрабатывал вопросы, связанные с ходом столыпинского переселения.

Вместе с тем во втором периоде были авторы, придерживавшиеся несколько иных взглядов. Так, один из сотрудников Государственного колонизационного научно-исследовательского института, существовавшего в первые годы советской власти, А.А. Ярилов, в 1919 г. выдвинул проект заселения «новых мест технически подготовленными и опытными колонистами – русскими и иностранцами»²⁰, что в условиях советской действительности было, по меньшей мере, странным. Этот автор и в середине 20-х гг. продолжал изучать переселенческое дело²¹. Другой сотрудник Государственного колонизационного научно-исследовательского института, Э.Д. Гримм опубликовал интересную работу по проблеме колонизации²².

В 20-х гг. по вопросу колонизации также выступали И.А. Язмин, В.П. Вошинин, Г.Ф. Чиркин²³. Авторы полагали, что эмиграция и внутреннее переселение «происходят и развиваются вне воли людей и государств, вытекая из экономического состояния страны, отвечая уровню народного хозяйства, в особенности сельского, то есть происходят закономерно, поддаваясь в той или иной степени лишь регулированию со стороны государства»²⁴. Это не совсем совпадало с марксистско-ленинской точкой зрения, согласно которой только эксплуататорские государства не могли регулировать процесс колонизации, что являлось преувеличением.

После октября 1917 г. продолжал разрабатывать тему столыпинской аграрной реформы и А.А. Кауфман²⁵. В послереволюционном издании он еще более критично отзывался о мерах и

¹⁶ Изгоев А.С. П.А. Столыпин : Очерк жизни и деятельности. М.: К.Ф. Некрасов, 1912.

¹⁷ Дубровский С.М. Столыпинская реформа (Капитализация сельского хозяйства в XX в.). Л., 1925.

¹⁸ Дубровский С.М. Столыпинская реформа. М., 1930.

¹⁹ Карпов Н. Аграрная политика Столыпина. Л., 1925.

²⁰ Ярилов А.А. Колонизация и использование природных богатств как основные предпосылки развития России. М., 1919. Вып. 5. С. 38.

²¹ Ярилов А.А. Пути колонизационного строительства // Труды Государственного колонизационного научно-исследовательского института. М., 1924. Т. 1.

²² Гримм Э.Д. Основные типы миграционно-колонизационного процесса, их происхождения и характер // Труды Государственного колонизационного научно-исследовательского института. М., 1924. Т. 2.

²³ Вошинин В.П., Язмин И.А. Учение о колонизации и переселении. М.-Л., 1926; Чиркин Г.Ф. Очерк колонизации Сибири второй половины XIX – начала XX в. // Очерки по истории колонизации Севера и Сибири. Петроград, 1922. Вып. 2 и др.

²⁴ Вошинин В. П., Язмин И. А. Указ. соч. С. 14.

²⁵ Кауфман А.А. Аграрный вопрос в России. М.: Москов. науч. изд-во, 1918.

формах проведения столыпинской реформы, подчеркивая тем самым недостаточную «исчерпанность» крестьянской общины.

А.А. Ансон сделал вывод, что сельское хозяйство в Сибири капитализировалось быстрее, чем в Европейской России. Он объяснял это отсутствием помещиков и земств, своеобразием форм землепользования и преобладанием государственных крестьян. Поэтому в Сибири, как и на других окраинах России, «быстрее и интенсивнее шел распад крестьянства на сельскохозяйственных предпринимателей и рабочих, резче выделялся «коммерческий», торговый характер зажиточного крестьянства, рельефнее выпячивались два противоположных полюса – кулак и бедняк»²⁶. На наш взгляд, А.А. Ансон преувеличивал уровень развития капитализма в сельском хозяйстве Сибири.

Вызывает интерес работа Д.А. Батурина²⁷, которая была напечатана на немецком языке в 1920 г., а написана в 1917 г. для представления в Бернский университет в качестве докторской диссертации. При выборе темы автор руководствовался целью осветить перед иностранными читателями социально-экономическую роль бывшего русского Крестьянского банка как одного из могучих орудий аграрной политики царского правительства. Попутно работа должна была представить собой краткую монографию Крестьянского банка – самого большого в мире и наиболее своеобразного земельно-кредитного института, деятельность которого имела огромный научно-практический интерес.

Любопытен ряд работ А.Н. Челинцева²⁸. Первый труд посвящен анализу экономических особенностей крестьянского хозяйства в первой четверти XX в., в нем рассматриваются проблемы влияния экономических особенностей на организационный строй сельского хозяйства; промыслы в крестьянском хозяйстве; средства производства; деньги и денежный оборот. Второй – представляет собой экономическое исследование сельскохозяйственной деятельности в предреволюционной России и содержит данные эволюции сельского хозяйства, географию полеводства и животноводства, сравнения бывшего помещичьего и крестьянского хозяйств.

В 1927 г. в Париже вышел очерк Аркадия Петровича Столыпина (сына реформатора). Исследователь после краткого обзора становления П.А. Столыпина как государственного деятеля особое внимание уделил главным направлениям его забот: землеустройству крестьян и поездке в Сибирь и Поволжье, сооружению Амурской железной дороги и воссозданию флота, западному земству и думским запросам, а также вопросам вероисповедания, заботе о городах и финляндскому кризису²⁹. В 1931 г. в Берлине была опубликована книга В. Богрова (брата убийцы П.А. Столыпина – Д.Г. Богрова)³⁰.

Пятая и самая младшая дочь П.А. Столыпина – Александра Петровна Столыпина оставила воспоминания о своем отце. Первые их фрагменты появились в 1931 г. в парижском журнале «Revue des deux Mondes» на французском языке. В этом же году она вышла отдельной книгой (Столыпина А.П. Человек последнего царя. Столыпин). Правда, есть версия, что она писала данную книгу со своим братом Аркадием, а муж А.П. Столыпина – прибалтийский немец Л. Кейзерлинг издал ее под фамилией жены. Тем не менее данная книга содержит интересные факты, особенно о начальном периоде жизни П.А. Столыпина (в Вильно, Ковно, Колно-

²⁶ Ансон А.А. Классовое расслоение и классовая борьба в сибирской деревне до революции 1917 г. // На ленинском пути. 1931. № 3–4. С. 43.

²⁷ Батурицкий Д.А. Аграрная политика царского правительства и Крестьянский поземельный банк. М.: Новая деревня, 1925.

²⁸ Челинцев А.Н. Теоретические основания организации крестьянского хозяйства. Харьков, 1919; Челинцев А.Н. Русское сельское хозяйство перед революцией. М.: Новый агроном, 1928.

²⁹ Столыпин А.П. П.А. Столыпин. 1862–1911 гг. Париж, 1927.

³⁰ Богров В. Дмитрий Богров и убийство Столыпина. Разоблачение действительных и мнимых тайн. Берлин: Изд-во «Стрела», 1931.

берже и Саратове). Сам же А.П. Столыпин также опубликовал книгу о своем отце, но несколько раньше, с очень коротким перечислением преобразований П.А. Столыпина³¹.

В третий период (вторая половина 1930-х – первая половина 1950-х гг.) наибольшего внимания заслуживает работа П.Н. Ефремова, вышедшая из печати в 1941 г.³² Однако ограниченный объем книги и широта поставленной задачи позволили автору лишь собрать по выработанной схеме высказывания В.И. Ленина о переселениях, прокомментировать и проиллюстрировать их фактическим материалом довольно общего характера.

В 1951 г. в Иркутске была издана работа В.В. Покшишевского, которая носила историко-географический характер и охватывала процесс заселения Сибири в целом за весь период – с момента присоединения ее к русскому государству до Первой мировой войны³³. Переселениям эпохи П.А. Столыпина посвящен один из разделов книги, в которой на основе опубликованных материалов рассматриваются все аспекты переселений. Автор поднял вопрос об условиях организации переселенческих хозяйств и о их капиталистическом развитии с учетом работ В.И. Ленина о переселениях. Но широкие хронологические и тематические рамки исследования и в этом случае позволили автору лишь в общем коснуться того основного, что связано с жизнью переселенцев на новых местах. Заслуга В.В. Покшишевского состоит в том, что он первым из советских историков дал общую картину заселения Сибири.

В 1935 г. в парижском журнале «Возрождение» появились воспоминания старшей дочери П.А. Столыпина – Марии Петровны фон Бок. В 1953 г. эти воспоминания вышли в Нью-Йорке отдельной книгой³⁴. Его дочери было всего 19 лет, когда П.А. Столыпин был назначен сначала министром внутренних дел, а вскоре и Председателем Совета министров. Менее чем через два года она вышла замуж и вместе с мужем поселилась в Берлине, где тот занимал пост русского морского атташе. О дальнейшем разворачивании деятельности отца она узнавала из переписки, из разговоров во время нечастых поездок на родину и общих источников осведомления. Тем не менее воспоминания М.П. фон Бок имеют очень большую ценность, особенно о начальном периоде жизни реформатора.

В предпоследний, четвертый период (вторая половина 1950-х гг. – 1987–1988 гг.) появилось большое количество работ, посвященных столыпинской аграрной реформе в России. Среди них можно выделить монографии С.М. Сидельникова, А.Я. Авреха, П.Н. Першина и др.³⁵ В них впервые было опубликовано большое количество новых юридических документов, статистических материалов, что явилось значительным вкладом в изучение данной темы.

Особого внимания также заслуживает и первый том двухтомника С.П. Трапезникова, где в сжатой форме показан ход и масштабы переселения в Сибирь и на другие азиатские окраины России. Автор проанализировал эволюцию аграрных отношений от реформы 1860-х гг. до настоящего новейшего времени³⁶. На основе большого материала С.П. Трапезников попытался проследить эволюцию ленинской аграрной программы. Определенное внимание было уделено здесь и столыпинскому реформированию крестьянской общины, а также развитию кооперативного движения в России. Однако критика С.П. Трапезниковым деятельности П.А. Столыпина излишне радикальна. Так, автор утверждал, что «переселенческая политика Столыпина – это аграрный авантюризм, прямой и открытый обман трудового крестьянства»³⁷. Это, на наш взгляд, не совсем правильно, поскольку переселенческая политика П.А. Столыпина (при всех

³¹ Столыпин А.П. П.А. Столыпин. 1862–1911 гг. ...

³² Ефремов П.Н. Столыпинская аграрная политика. М., 1914.

³³ Покшишевский В.В. Заселение Сибири. Иркутск, 1951.

³⁴ Бок М.П. Воспоминание о моем отце П.А. Столыпине. Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1953.

³⁵ Аврех А.Я. Столыпин и III Дума. М.: Наука, 1968; Першин П.Н. Аграрная революция в России: в 2 т. М.: Наука, 1966.; Сидельников С.М. Аграрная реформа Столыпина. М.: Изд-во МГУ, 1980.

³⁶ Трапезников С. П. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос. М.: Мысль, 1983. Т. 1.

³⁷ Трапезников С. П. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос... С. 202.

ее недостатках) во многих случаях улучшала материальное положение трудового крестьянства, решившегося на смену места жительства, что находит подтверждение в реальных фактах.

В.Г. Тюкавкин придерживался концепции неразрывного единства Сибири и России, действия общих закономерностей в их развитии, причем общественные отношения в центре страны имели решающее значение и для Сибири³⁸. Тему реформы крестьянского надельного землевладения исследовал Л.Ф. Складов. Характеризуя социально-экономические отношения в сибирской деревне в начале XX в., он исходил из представления о сохранении вплоть до 1917 г. «системы государственного феодализма». «В Сибири, – писал он, – правительство сохранило устаревшую систему государственного феодализма, не ввело частной собственности на землю»³⁹. В числе наиболее значительных феодально-крепостнических пережитков автор называл кабинетное и государственное землевладение. Л.Ф. Складов подчеркивал взаимность процессов обострения аграрного кризиса в Европейской России и в Сибири, считал, что сельское хозяйство Сибири пошло по прусскому пути.

В последний, пятый период (с 1987–1988 гг. до наших дней) продолжал усиливаться интерес к преобразованиям П.А. Столыпина. Так, в 1991 г. вышла работа А.Я. Авреха, в которой предпринята фундаментальная попытка обобщить и проанализировать опыт столыпинской реформы в России⁴⁰. Вместе с тем с 1987–1988 гг. начался процесс переосмысления освещения как советской, так и досоветской истории, особенно после августа 1991 г. Этому способствовало появление в печати и различных средствах массовой информации новых документов и материалов, репринтных изданий книг русских эмигрантов, воспоминаний современников П.А. Столыпина, переводимых зарубежных изданий и т. д.⁴¹

В 1991 г. была опубликована монография И.В. Островского, которая была посвящена аграрной политике царского правительства в Сибири периода 1900–1917 гг. В данной работе особого внимания заслуживают разделы, где достаточно подробно раскрывается попытка распространить на Сибирь ту часть аграрного законодательства, которая предусматривала образование частного крестьянского землевладения⁴². В 1992 г. И.В. Островский опубликовал книгу, где рассматриваются вопросы социально-экономической и политической истории России начала XX в.⁴³ Основное внимание в ней уделяется личности П.А. Столыпина и его реформаторскому курсу. Показаны истоки столыпинской политики, приведен материал об отношении к ней различных политических сил, раскрыты особенности аграрной реформы в Сибири. В работе рассказывается и об убийстве П.А. Столыпина и расследовании обстоятельств гибели премьер-министра.

³⁸ Тюкавкин В.Г. Проведение «нового курса» переселенческой политики в Восточной Сибири (1911–1914 гг.) // Науч. докл. высшей школы (Сер. «Исторические науки»). М., 1958. Вып. 4; Тюкавкин В.Г. Сибирь в эпоху реакции 1907–1914 гг. // История Сибири. Л.: Наука, 1958. Т. 3. С. 299–340; Тюкавкин В.Г. Организация переселения крестьян в Восточную Сибирь. Иркутск, 1958; Тюкавкин В.Г. Влияние переселения крестьян на развитие капиталистических отношений в Восточной Сибири (1906–1917 гг.) // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1916. С. 149–163; Тюкавкин В.Г. Социально-экономические предпосылки переселения крестьян в Сибирь в начале XX в. Иркутск, 1961 и др.

³⁹ Складов Л.Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. Л.: Изд-во ЛГУ, 1962. С. 18, 348, 557.

⁴⁰ Аврех А.Я. П.А. Столыпин и судьбы реформ. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1991.

⁴¹ Анфимов А.М. Царствование императора Николая II в цифрах и фактах // Отечественная история. 1994. № 3. С. 68–77; Бок М.П. Столыпин (Воспоминания о моем отце). М.: Современник, 1992; Бородай Ю. Кому быть владельцем земли? // Наш современник. 1990. № 3. С. 102–120; Жильяр П. Император Николай II и его семья (Петергоф, сентябрь 1905 г. – Екатеринбург, май 1918 г.). М., 1991; Зырянов П.Н. Столыпин // Вопросы истории. 1990. № 6. С. 54–75; Иванов В. Столыпин // Молодая гвардия. 1990. № 3. С. 43–56; Казарезов В.В. Столыпин: История и современность. Новосибирск, 1991; Островский И.В. Столыпин и его время. Новосибирск: Наука, 1992; Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь в конце XIX – начале XX вв. (Проблемы регионального управления) // Отечественная история. 1994. № 2. С. 60–73; Столыпин П.А. Думские речи. М.: Знание, 1990; Ферро М. Николай II: пер. с фр. М.: Междунар. отношения, 1991 и др.

⁴² Островский И.В. Аграрная политика царизма в Сибири периода империализма. Новосибирск, 1991.

⁴³ Островский И.В. Столыпин и его время. Новосибирск: Наука, 1992.

В книге П.Н. Зырянова⁴⁴ освещается жизненный путь П.А. Столыпина, прослеживается формирование его взглядов по основным проблемам российской действительности. Особое внимание уделяется аграрной и другим реформам, разработанным под руководством Столыпина. Раскрываются взаимоотношения российского премьера с двором, высшей бюрократией, Думой, правым дворянством. Отдельная глава посвящена отношениям П.А. Столыпина и Л.Н. Толстого.

В 1998 г. была опубликована статья белорусского исследователя В.Н. Черепицы⁴⁵. Данная статья повествует о деятельности П.А. Столыпина на посту гродненского губернатора. В.Н. Черепица сравнивает П.А. Столыпина с видным философом и публицистом И.Л. Солоневичем, чьи труды со значительным опозданием лишь сегодня возвращаются к нам. В.Н. Черепица также утверждает, что П.А. Столыпин живо интересовался местными проблемами.

В 2001 г. вышло фундаментальное исследование В.Г. Тюкавкина «Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа», которое посвящено исследованию крестьянства в тесной связи со столыпинской аграрной реформой⁴⁶. В.Г. Тюкавкин придавал большое значение развитию фермерского типа хозяйства, считая, что российское крестьянство получило большую выгоду от изменения землепользования, так как «более половины укрепленцев и землеустроенных дворов не только стали личными собственниками, но у них появились преобразованные участки; ликвидированы многополосица, мелкополосица, чересполосица, множество межей, значительно уменьшено дальноеземье»⁴⁷.

Е.А. Юртаева опубликовала монографию о деятельности Государственного совета⁴⁸. Книга представляет собой научное исследование, в котором достаточно подробно и полно освещаются организация и деятельность одного из важнейших высших государственных учреждений императорской России – Государственного совета – после его реорганизации в «верхнюю законодательную палату» в 1906 г. Данная научная работа знакомит с опытом формирования Государственного совета, его структурой, компетенцией, основными функциями, формами его взаимодействия с монархом, Государственной думой и Советом министров, содействуя тем самым верному оценочному пониманию политико-юридического прошлого России, ее системы государственной власти предреволюционного периода.

Известный экономист и политик Б.Г. Федоров издал двухтомную биографию П.А. Столыпина⁴⁹. Написанная с использованием уникальных архивных документов, книга является одним из самых полных и авторитетных трудов о П.А. Столыпине. В ней рассказывается о происхождении реформатора, прабабушкой которого была бабушка М.Ю. Лермонтова – Е.А. Столыпина (по мужу Арсеньева), дедом был канцлер А.М. Горчаков, отцом – генерал-адъютант А.Д. Столыпин. Среди его преподавателей на физико-математическом факультете Санкт-Петербургского университета был Д.И. Менделеев. Профессиональная деятельность П.А. Столыпина прослеживается от сотрудника МВД до губернатора Саратовской губернии, министра внутренних дел и главы правительства.

Известный исследователь реформаторской деятельности П.А. Столыпина Г.П. Сидоровнин опубликовал монографию по этой теме⁵⁰. Работа содержит обстоятельное жизнеописание великого реформатора, основанное на документах отечественных и зарубежных архивов, мемуарах современников П.А. Столыпина и его близких, исторической и научной литера-

⁴⁴ Зырянов П.Н. Петр Столыпин: политический портрет. М.: Высш. шк., 1992.

⁴⁵ Черепица В.Н. П.А. Столыпин – гродненский губернатор // Православный вестник. 1998. № 2–3.

⁴⁶ Тюкавкин В.Г. Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. М.: Памятники исторической мысли, 2001.

⁴⁷ Там же. С. 299.

⁴⁸ Юртаева Е.А. Государственный Совет в России (1906–1917 гг.). М., 2001.

⁴⁹ Федоров Б.Г. Петр Столыпин: «Я верю в Россию»: в 2 т. СПб.: Лимбус Пресс, 2002.

⁵⁰ Сидоровнин Г. П.А. Столыпин. Жизнь за Отечество. Саратов, 2002.

туры о нем. Оригинальные фрагменты раскрывают отношения Столыпина с Николаем II, С.Ю. Витте, Г.Е. Распутиным, Л.Н. Толстым, а также воззрения на выдающегося реформатора его современников – Вильгельма II, В.И. Ленина, В.А. Маклакова, Л.А. Тихомирова и других известных исторических персонажей. В книге использованы речи знаменитого премьер-министра России в Государственной Думе и Государственном Совете, его отчет о поездке в Сибирь, многочисленные факсимильные свидетельства и документы, а также своеобразное завещание П.А. Столыпина – его «Проекты преобразования России».

Публицист и историк С.Г. Кара-Мурза написала ряд полемических монографий о П.А. Столыпине и его реформах⁵¹. Автор считает, что роль П.А. Столыпина в русской истории далеко не однозначна, а его реальный образ далек от усиленно создаваемого властью идеала. Миф о П.А. Столыпине нужен нынешней власти для оправдания проводимых ею реформ, ради чего предаются забвению все отрицательные черты этого государственного деятеля, – даже то, что он фактически стал «отцом» русской революции 1917 г. В своих книгах С.Г. Кара-Мурза собрал множество свидетельств современников и документальных материалов о П.А. Столыпине – все это позволяет оценить личность человека, который объявлен ныне «символом России».

Книга С.Ю. Рыбаса, изданная в серии «Жизнь замечательных людей», представляет собой, строго говоря, не историческое исследование, а документально-исторический роман с особенностями этого жанра и достаточно яркой эмоциональностью (достаточно отметить прогноз автора, утверждающего, что, «если бы Столыпин довел свое дело до конца, не было бы ни Сталина, ни Ленина. Возможно, не было бы ни Первой, ни Второй мировой войны»⁵²).

В 2003 г. из печати вышел двухтомный сборник документов и материалов под редакцией П.А. Пожигайло, в котором собрана основная масса столыпинских законов и законопроектов⁵³. В данном сборнике собраны документы, дающие развернутое представление о замыслах П.А. Столыпина в области землеустройства, насаждения крестьянской частной собственности, кооперативного строительства, развития кредитно-финансовой системы, ссудной помощи переселенцам, церковно-школьного строительства. Из обзора этих документов видно, что не все замыслы реформатора смогли осуществиться на деле. Например, так и не была реализована идея создания Государственного сельскохозяйственного банка, который должен был помогать в деле распространения частной собственности на землю и в повышении уровня сельскохозяйственного производства. Вместе с тем в данном сборнике показывается масштаб столыпинской реформы, грандиозность замыслов последнего реформатора царской России. В этом же году вышел сборник документов под общей редакцией П.А. Пожигайло, в котором рассказывается о гибели П.А. Столыпина⁵⁴.

В 2008 г. П.А. Пожигайло опубликовал еще один сборник документов о П.А. Столыпине⁵⁵. В публикацию включен комплекс ранее неизвестных мемуаров современников П.А. Столыпина, позволяющих в своей совокупности значительно расширить представления о его облике, личных и деловых качествах, роли в подготовке и реализации системных преобразований России начала XX в. В книгу вошло более 30 воспоминаний родственников, сослуживцев, видных общественных и политических деятелей. В Приложение включено более 20 неопубликованных писем П.А. Столыпина.

⁵¹ Кара-Мурза С.Г. Столыпин – отец русской революции. М.: Эксмо, 2003; Кара-Мурза С.Г. Ошибка Столыпина. Премьер, перевернувший Россию. М.: Эксмо: Алгоритм, 2011.

⁵² Рыбас С.Ю. Столыпин. М., 2003. С. 254.

⁵³ П.А. Столыпин: Программа реформ (Документы и материалы): в 2 т. / под ред. П.А. Пожигайло. М.: РОССПЭН, 2003.

⁵⁴ Тайна убийства Столыпина / под общ. ред. П.А. Пожигайло. М.: РОССПЭН, 2003.

⁵⁵ П.А. Столыпин глазами современников / под ред. П.А. Пожигайло. М.: РОССПЭН, 2008.

В 2011 г. П.А. Пожигайло выпустил из печати монографию о П.А. Столыпине⁵⁶. В данном исследовании предпринята попытка комплексного анализа столыпинской концепции разрешения системных кризисов, программы его масштабных преобразований, технологий ее реализации, итогов и перспектив реформ для исторических судеб России. Исследование позволяет понять исходный замысел, содержание и механизмы перемен, выведших Россию в число ведущих мировых держав, обеспечивавших укрепление ее целостности и единства, формирование среднего класса, гражданского общества и правового государства, повышение уровня образования и улучшение материального положения народа.

Американский историк Д. Мейси, размышляя о судьбе аграрной реформы, акцентирует внимание на роли прямой и обратной связи между правительством и крестьянством⁵⁷. В связи с этим он обращает внимание на два процесса: децентрализацию власти в рамках учреждений, проводивших реформу (проведение совещаний на уровне регионов и губерний, учреждение местных органов Крестьянского поземельного банка); начало перехода от традиционных и патерналистских форм вмешательства администрации к наблюдательной роли. В современной литературе продолжается дискуссия об эффективности аграрной реформы. Д. Мейси настаивает на том, что программа П.А. Столыпина не только не потерпела поражения, но и нашла положительный отклик среди широких масс крестьянства. Данный вывод автор основывает на анализе обширного статистического материала.

А.П. Бородин написал ряд крупных работ об истории России начала XX в.⁵⁸ Первое исследование данного автора повествует о работе реформированного Государственного Совета периода столыпинских реформ. Замысел второй книги А.П. Бородина заключается в том, чтобы взглянуть на П.А. Столыпина глазами современников, что позволяет преодолеть искажения в восприятии облика государственного деятеля несколькими поколениями наших соотечественников. Автор по-новому расставляет приоритеты в оценке карьеры П.А. Столыпина, обращая внимание на некоторую категоричность вывода о близком уходе его с поста главы правительства весной 1911 г., так как «вопрос о направлении правительственного курса окончательно решен не был»⁵⁹. Не столь однозначными, по мнению А.П. Бородина, являются и оценки национальной политики (приведение местного законодательства в соответствие с общеимперскими), отношения к дворянскому землевладению (стремление добиться добровольной продажи частью помещиков своих имений).

Книга П.С. Кабытова отличается тем, что здесь впервые рассмотрены особенности личности П.А. Столыпина с учетом факторов повседневной жизни, взаимоотношений с семьей и сослуживцами. На основе мобилизованного материала региональных архивов им была предпринята весьма удачная попытка изучения стиля деятельности саратовского губернатора, а также практики хозяйствования⁶⁰.

Монография американского профессора Я. Коцониса посвящена исследованию взаимодействия между представлениями о крестьянстве и практикой реформ в аграрной сфере в 1861–1914 гг. В отдельной главе рассмотрен сюжет о дискуссиях о собственности в период реформ П.А. Столыпина. Автором отмечены особенности дискуссии о политическом и социальном значении понятия «собственность». Главным аргументом представителей элиты и правительственных кругов, демонстрировавших свою сословную ментальность, являлось стойкое убеждение в том, что «крестьяне недостаточно зрелы для того, чтобы им можно было доверить

⁵⁶ Пожигайло П.А. Петр Аркадьевич Столыпин. Интеллект и воля. М.: РОССПЭН, 2011.

⁵⁷ Мейси Д. Аграрные реформы Столыпина как процесс: центр, периферия, крестьяне и децентрализация // Россия сельская. XIX – начало XX в. / отв. ред. А.П. Корелин. М., 2004. С. 266, 271.

⁵⁸ Бородин А.П. Государственный Совет России (1906–1917 гг.). Киров, 1999; Бородин А.П. Столыпин. Реформы во имя России. М., 2004.

⁵⁹ Бородин А.П. Столыпин. Реформы во имя России... С. 122–123, 218.

⁶⁰ Кабытов П.С. П.А. Столыпин: последний реформатор Российской империи. Самара, 2006. С. 68–94, 134–155.

их собственную землю и вообще средства к существованию», поскольку они «нуждаются в неусыпном надзоре государственных учреждений и некрестьянской по своему составу администрации»⁶¹. Анализируя содержание кредитной политики, Я. Коцонис приходит к выводу о том, что ссуды, выданные под залог надельных земель (около 11 млн руб.), в основном были предназначены для крестьян-переселенцев, что исключало возможность эффективной поддержки хозяйств в Европейской России. В представлении П.А. Столыпина кооперативы, наряду с обновленным землепользованием, являлись прообразом новой интегрированной системы, которая должна быть бессословной по своей природе.

Крупная научная работа В.А. Демина также повествует о реформированном Государственном Совете. Подробно рассматриваются история его создания, порядок и практика формирования его выборной и назначаемой частей, законодательные, финансовые и контрольные полномочия Совета. Выявляется его место в системе органов власти. Анализируются состав и идеология политических групп верхней палаты, а также ее внутренняя структура и порядок работы⁶².

Историк Д. Струков в 2012 г. опубликовал биографию П.А. Столыпина⁶³. Автор считает, что кризис того времени оказался настолько всесторонним и глубоким, что никакие титанические усилия одного человека были не в состоянии преодолеть государственный развал. Николай II мучительно искал себе деятельного помощника. Но никто из тогдашнего царского окружения не мог ответить на тот шквал страшных вопросов, который обрушила на власть смута 1905 г. Провозвестником спасения России стал П.А. Столыпин. Д. Струков считает, что Николай II и П.А. Столыпин стали знаковыми фигурами этих исторических процессов, органично соединившими в себе высокую нравственность и государственный талант.

К.И. Могилевский в соавторстве с К.А. Соловьевым выпустил ряд монографий, посвященных деятельности П.А. Столыпина⁶⁴. В книгах представлен жизненный путь и государственная деятельность П.А. Столыпина. На основе широкого круга источников воссоздается программа реформ П.А. Столыпина, имевшая своей целью системную модернизацию России в начале XX столетия. Авторами подробно рассматриваются пути ее реализации и результаты правительственной политики в 1906–1911 гг. К.А. Соловьеву также принадлежит работа, рассказывающая о деятельности Государственной Думы и Государственного Совета⁶⁵. Как показывает автор, правительство сталкивалось со многими трудностями на всех этапах обсуждения законопроектов. Причем на любой стадии существовали особые «правила игры», к которым нужно было принарабливаться правительству. Вопреки представлениям, популярным в историографии, и Дума, и Государственный Совет далеко не во всем соглашались с министрами, задерживали, а иногда и вовсе блокировали прохождение правительственных инициатив, существенно влияли на распределение средств государственного бюджета. Все осложнялось тем, что и верхняя, и нижняя «палаты», как и Совет министров, в силу несовершенства юридических норм, особенностей политической культуры того времени, разнородности состава этих учреждений не обладали определенной политической волей. Представители этих учреждений нередко вели самостоятельную «игру», вступая в альянс друг с другом. Возникали сложные сетевые, горизонтальные связи, основанные на неформальных контактах выс-

⁶¹ Коцонис Я. Как крестьян делали отсталыми: сельскохозяйственные кооперативы и аграрный вопрос в России 1861–1914 гг. М., 2006. С. 121.

⁶² Демина В.А. Верхняя палата Российской империи. 1906–1917 гг. М., 2006.

⁶³ Струков Д. Столыпин. М.: Вече, 2012.

⁶⁴ Могилевский К.И., Соловьев К.А. П.А. Столыпин: личность и реформы. Калининград, 2007; Могилевский К.И. Столыпинские реформы и местная элита: Совет по делам местного хозяйства. М., 2008; Могилевский К.И., Соловьев К.А. П.А. Столыпин: Имя Россия. Исторический выбор 2008 г. М., 2008.

⁶⁵ Соловьев К.А. Законодательная и исполнительная власть в России: механизмы взаимодействия (1906–1914 гг.). М.: РОССПЭН, 2011.

шей бюрократии и депутатского корпуса. В силу этого появлялись альтернативные алгоритмы принятия решений, устанавливались отношения между администрацией и группами интересов, стоявшими за депутатами. В итоге расширялась сфера компетенции представительных учреждений, а народные избранники постепенно интегрировались в политическую систему, которая, собственно, и формировалась усилиями депутатов и министров.

Цикл статей В.В. Шелохаева фокусирует внимание на базовых ценностях столыпинской программы модернизации, взаимодействии законодательной и исполнительной ветвей власти. Выводы В.В. Шелохаева основаны на системном изучении всего комплекса документов, связанных с именем реформатора. Речь идет о том, что П.А. Столыпин осуществлял консервативно-либеральный тип модернизации, который, по мнению автора, представлял собой оптимальный вариант преобразований – нечто среднее между правоконсервативной моделью переустройства страны и леворадикальными вариантами, способными стимулировать национальную катастрофу⁶⁶. Автор весьма объективно проанализировал социально-политическую среду реформирования, трудности, просчеты в реализации внутренней политики. Речь шла об асинхронности в ходе разработки законопроектов, финансировании мероприятий в социальной сфере по остаточному принципу, недостаточном учете остроты противоречий между политическими элитами, специфике взаимоотношений с фракциями политических партий, представленных в Государственной думе. Наконец, П.А. Столыпин как политик не в должной мере учитывал необходимость вовлечения в процесс преобразований широких общественных кругов, что, в частности, требовало особой роли печати.

Британский историк-аграрник Т. Шанин исходит из того, что теоретическое и концептуальное содержание проектов П.А. Столыпина не было воплощено в «связную теорию», поскольку «теоретические умы России были заняты другими проблемами»⁶⁷. Впрочем, вынося данный вердикт, автор признает логичность программы П.А. Столыпина по выходу страны из системного кризиса, что еще не гарантирует достижения политических результатов. Т. Шанин делает вывод о том, что успех преобразований «нельзя исключать по чисто теоретическим соображениям», однако роковое значение, по его мнению, для «команды П.А. Столыпина» имели кадровый «голод», недоверие к правительству либеральной интеллигенции и жесткая позиция консерваторов-монархистов.

Категоричность суждений Т. Шанина, называющего аграрную реформу «революцией сверху», не пользовавшейся поддержкой ни одного крупного общественного класса, ни одной партией, не разделяется А.Н. Медушевским⁶⁸. Его вывод основан на признании правильности стратегии реформы. Что касается сопротивления ей традиционалистских слоев, то оно было неизбежно, а трудности реализации определялись сжатостью исторического отрезка времени. Главное же, по мнению А.Н. Медушевского, состоит в том, что «вектор современных реформ в точности соответствует представлениям П.А. Столыпина». Автор на весьма широком материале системно рассмотрел проблемы преодоления правового дуализма и переходных форм собственности. Справедливо обращая внимание на неопределенность этимологии понятий «общинная», «общая», «общественная» собственность, он заключает, что подобная ситуация была весьма искусно использована левыми партиями, исходившими из идеологической презумпции о преимуществах общественной собственности над частной. В конечном

⁶⁶ Шелохаев В.В. Столыпинский тип модернизации России // Историк и время. Пенза, 2004. С. 7–32; Шелохаев В.В. Столыпин и Государственная дума // Государство и общество. Проблемы социально-политической и экономической истории России. Пенза, 2004. Вып. 2. С. 4–7; Шелохаев В.В. Опыт и уроки П.А. Столыпина // П.А. Столыпин. Программа реформ: документы и материалы. М., 2002. Т. 1. С. 19–20; Шелохаев В.В. Столыпинская программа модернизации // Родина. 2006. № 12. С. 9.

⁶⁷ Шанин Т. Уроки истории и следующая революция: границы политического воображения. URL: www.strana-oz.ru/?numid=58&article=268.

⁶⁸ Медушевский А.Н. Проекты аграрных реформ в России: XVIII в. – начало XXI в. М., 2005. С. 289, 291.

итоге проблемы правового обеспечения аграрной реформы приобретали особое значение в конкретно-исторических условиях начала XX в.

Можно утверждать, что развитие советской и российской исторической науки имеет поступательный характер и дает толчок для дальнейшего изучения истории столыпинских преобразований. Однако еще не все аспекты данной исторической темы нашли освещение в работах отечественной и зарубежной историографии. Остается незавершенным и ряд вопросов, разработка которых способна не только конкретизировать и уточнить те или иные оценки, но и существенно расширить имеющиеся представления по ряду сюжетов в политической биографии П.А. Столыпина. Историографический анализ литературы последних лет свидетельствует, что многие взгляды на столыпинскую аграрную реформу остаются спорными. В ряде публикаций данная реформа П.А. Столыпина стала идеализироваться, ее экономические результаты – преувеличиваться. Многие стороны реформы раскрыты еще недостаточно: состояние сельского хозяйства накануне реформы, программа организации самой аграрной реформы в центре и на местах.

1. П.А. Столыпин в 1862–1902 гг.: формирование личности и взглядов

1.1. 1862–1881 гг.: детство и юность, гимназический период

Фамилия «Столыпин» считается не очень часто встречающейся на территории России, она была образована от прозвища «Столыпа» – так называли человека, который часто бродил без дела, вел праздный образ жизни. Дворянский род Столыпиных восходит к началу XVI столетия. Первый письменный документ о роде Столыпиных датирован 1566 г., когда «второй Титович Столыпин подписался на поручной записи бояр и дворян по князю Охлябинине». Последовательная поколенная роспись начинается с Григория Столыпина, жившего в конце XVI в. По свидетельству известного русского писателя-славянофила А.П. Аксакова, исследовавшего нисходящие ветви рода этого предка, «сын его Афанасий Григорьевич и внук Сильвестр Афанасьевич писались», как это видно из официальных документов, муромскими городскими дворянами. Последний из них, Сильвестр, за участие в войне с Польшей в 1654–1655 гг. был награжден поместьем в Муромском уезде. У внука этого Сильвестра Афанасьевича – Емельяна Семеновича, бывшего товарищем Пензенского воеводы, было два сына: секунд-майор Димитрий Емельянович и Пензенский предводитель дворянства Алексей Емельянович. От брака последнего с Марией Афанасьевной Мещериновой было шесть сыновей. Александр, бывший адъютант генералиссимуса Суворова; Аркадий, друг М.М. Сперанского, женатый на дочери графа Николая Семеновича Мордвинова – Вере Николаевне и умерший в звании сенатора в 1825 г.; умершие в молодых годах Петр и Николай, генерал-лейтенант, убитый во время бунта в Севастополе в 1830 г.; Афанасий, бывший саратовский предводитель дворянства; Дмитрий, генерал-майор; и пять дочерей, из которых старшая, Елизавета Алексеевна, была замужем за капитаном Преображенского полка Михаилом Васильевичем Арсеньевым и имела дочь Марию, которая вышла замуж за Юрия Петровича Лермонтова, отца знаменитого поэта Михаила Юрьевича Лермонтова⁶⁹. Дед будущего реформатора, Дмитрий Алексеевич Столыпин (1785–1826), генерал-майор, артиллерист, участник кампании 1805–1807 гг., отличился под Аустерлицем, впоследствии стал военным теоретиком, автором многих книг и специальных статей, он «был близок с П.И. Пестелем, и его, как передового и просвещенного человека, декабристы прочили, наряду с братом Аркадием Алексеевичем, Н.С. Мордвиновым и М.М. Сперанским, в состав Временного правительства» после свержения самодержавия⁷⁰.

Отец П.А. Столыпина (он был двоюродным дядей М.Ю. Лермонтова) – Аркадий Дмитриевич Столыпин родился 21 декабря 1822 г. Его детские годы прошли в усадьбе Середниково. В шестнадцать лет он определился в конную артиллерию в должности фейерверкера 4-го класса, в девятнадцать – получил первый офицерский чин – прапорщика, но, дослужившись до подпоручика, вышел в отставку; когда русские войска отправились в Венгрию, А.Д. Столыпин вновь поступил на военную службу, затем участвовал в Крымской войне 1853–1856 гг. В период между Крымской и Русско-турецкой войнами, в сентябре 1857 г. он был назначен наказным атаманом Уральского казачьего войска. В первом браке А.Д. Столыпина с Екатериной Адриановной Устиновой в 1846 г. родился сын Дмитрий. В следующем году его первая жена умерла. Вторым браком А.Д. Столыпин был женат на княжне Наталье Михайловне Горчаковой – матери будущего премьер-министра, принадлежавшей к древнему роду, ведущему

⁶⁹ Аксаков А.П. Высший подвиг. СПб.: Изд-во Всероссийского национального клуба, 1912. С. 9–10.

⁷⁰ Лермонтовская энциклопедия. М., 1981. С. 552.

«отсчет от русского святого – князя Михаила Черниговского, замученного в Орде в 1246 г. «за твердое стояние за православную веру» (мощи его покоятся в Архангельском соборе Московского Кремля). Правнук мученика – князь Иван Титович Козельский принял фамилию Горчаковых в XVI в. Дмитрий Петрович Горчаков был писателем, противником сентиментализма. Сын его, Михаил Дмитриевич, руководил обороной Севастополя в Крымскую войну в самые трудные месяцы этой эпопеи. Наконец, дед Петра Аркадьевича Столыпина по матери – Александр Михайлович Горчаков был министром иностранных дел, а с 1870 г. – канцлером России⁷¹. «Таким образом, – по мнению А.П. Аксакова, – в Петре Аркадьевиче Столыпине соединилась кровь старинного весьма почтенного дворянского рода Столыпиных и княжеская кровь Рюриковны»⁷².

П.А. Столыпин начал свой жизненный путь в период «оттепели» XIX в. – либеральных реформ Александра II. Предыдущий царь Николай I был, по образному выражению знаменитого философа В.С. Соловьева, «могучим самодержцем» и «державным великаном», у которого «за суровыми чертами грозного властителя, резко выступавшими по требованию государственной необходимости... таилось ясное понимание высшей правды и христианского идеала». По мнению В.О. Ключевского, царствование Николая I многие «считали реакцией, направленной не только против стремлений, которые были заявлены людьми 14 декабря, но и против всего предшествовавшего царствования» либерального и прозападного Александра I. Согласно Л.М. Жемчужникову, Николай I «совмещал в себе качества противоположные: рыцарство и вероломство, храбрость и трусость, ум и недомыслие, великодушие и злопамятность... Он был верующий, но отличался жестокостью»⁷³. Николай I был твердо убежден во всеисилии государства как единственного выразителя интересов общества. Для этого ему необходим был мощный централизованный аппарат управления. Отсюда то исключительное положение в системе органов власти, которое занимала личная канцелярия монарха с пятью ее отделениями, «подмявшими под себя и подменившими собой всю исполнительную структуру власти в стране»⁷⁴. Суть отношений общества и отдельных его членов с верховной властью была четко определена самим самодержцем: «Сомневаюсь, чтобы кто-либо из моих подданных осмелился действовать не в указанном мною направлении, коль скоро ему предписана моя точная воля»⁷⁵.

Александр II очень сильно отличался от своего отца. Родители будущего императора были люди очень разные, но Александр гораздо более унаследовал характер своей матери. Он рос мягким, чувствительным и даже сентиментальным мальчиком. Чувства и переживания всегда играли в его жизни большую роль. Твердость и непреклонная властность, присущие Николаю I, никогда не были отличительными чертами его сына. В детстве Александр отличался живостью, быстротой и сообразительностью. Воспитатели отмечали в нем сердечность, чувствительность, веселый нрав, любезность, общительность, хорошие манеры и красивую внешность. Но вместе с тем признавали, что цесаревичу недостает настойчивости в достижении цели, что он легко пасует перед трудностями, не имеет характера и воли. Так, по свидетельству А.И. Герцена, сначала его вид «не выражал той узкой строгости, той холодной, беспощадной жестокости, как вид его отца; черты его скорее показывали добродушие и вялость». Однако со временем, по мнению Ф.И. Тютчева, Александр II «считал себя обязанным почти всегда принимать суровый и внушительный вид, который в нем был только плохой копией». Придя к

⁷¹ Столыпин. Жизнь и смерть / сост. А. Серебренников, Г. Сидоровнин. Саратов: Приволжское книжн. изд-во, 1991. С. 36–37.

⁷² Аксаков А.П. Высший подвиг... С. 10.

⁷³ Жемчужников Л.М. Мои воспоминания из прошлого. Л., 1974. С. 191.

⁷⁴ Готье Ю.В. Император Николай I. Опыт характеристики. М., 1913. С. 290; Рахматуллин М.А. Император Николай I глазами современников // Отечественная история. 2004. № 6. С. 35.

⁷⁵ Цит. по: Шильдер Н.К. Император Николай I, его жизнь и царствование. СПб., 1903. Т. 1. С. 314.

власти, Александр II, под давлением обстоятельств и не имея никакой программы, начал принимать новые решения, не укладывавшиеся в старую систему и даже прямо противоположные ей. Он встал на путь освободительных реформ. Освобождение крестьян существенно изменило все основы русского государственного и общественного быта.

Петр Аркадьевич Столыпин родился (согласно метрическому свидетельству) 2 апреля 1862 г. (через год с небольшим после отмены крепостного права) в столице Саксонии Дрездене, где в то время у родственников находилась его мать. Детство П.А. Столыпин провел в Средниково, Колноберже, Вильно и Орле. Средниково (первоначальное название местности – Горетов Стан, по протекающей поблизости реке Горетовке. В центре Горетова Стана находилась пустошь Средняя, и поселение на ней было названо Средниково. Впоследствии название трансформировалось в современное Средниково, находилось в 30 верстах от Москвы). В 1825 г. Средниково приобрел генерал-майор Дмитрий Алексеевич Столыпин, брат бабушки М.Ю. Лермонтова – Е.А. Арсеньевой. Спустя год после покупки усадьбы Д.А. Столыпин умер, и владелицей стала его вдова Екатерина Аркадьевна. Сюда поэт вместе с бабушкой в 1829–1832 гг. приезжал на летние каникулы. Здесь М.Ю. Лермонтов испытал чувство первой любви, писал юношеские стихи, читал, переводил. В 1855 г. владельцем усадьбы стал Аркадий Дмитриевич Столыпин. Средниково в этот период представляло собой величественное зрелище: «Этот сад за дремлющим прудом, этот старинный барский дом, увенчанный бельведером, соединенный подковообразной колоннадой с четырьмя каменными флигелями, это строгое и простое в своей классической красоте произведение Растрелли»⁷⁶. Кроме этого, в Средниково была большая библиотека – около 10 000 томов.

Между тем время было беспокойное. На исходе мая 1862 г. Санкт-Петербург оказался охвачен эпидемией пожаров, слишком многочисленных, чтобы их можно было считать случайностью. Не успевало догореть в одном месте, как уже поднимался столб дыма в другом. Начавшись с окраин, пожары добрались и до элитной части города. Полностью выгорели два крупных рынка близ Невского проспекта – Апраксин и Щукин дворы. Специальная следственная комиссия так и не нашла организаторов пожаров. Но и общество, и правительство были уверены, что это дело рук социалистов – за считанные недели до страшных пожаров жители Санкт-Петербурга, а затем Москвы и других городов начали получать по почте, обнаруживать в университетских клиниках, просто находить на улицах листовку «Молодая Россия»⁷⁷. Решительностью заявлений она превосходила все, к чему уже успели привыкнуть столичные обыватели: «Своею кровью заплатят они за бедствия народа, за долгий деспотизм, за непонимание современных потребностей. Как очистительная жертва сложит головы весь дом Романовых!» Меры противодействия социалистам со стороны власти ограничились арестом в течение июня–июля 1862 г. вождей первой «Земли и воли» (включая Н.Г. Чернышевского), закрытием журнала «Современник», воскресных школ и шахматного клуба.

Резко ухудшилась ситуация и на западных окраинах России. С началом либерального царствования в Польше тяга к независимости приняла демонстративные формы: празднование памятных польских дат, ношение траура, отказ от русского языка. Александр II действовал по отношению к ней так же, как по отношению к студентам. 27 марта 1862 г. великий князь Константин Николаевич был назначен наместником Царства Польского. Император был обеспокоен подъемом национального движения в крае, но надеялся найти с поляками компромисс. Новому наместнику было предписано проводить «примирительную политику» (устранить самых неподходящих русских чиновников, расширить сеть школ, открыть Главную школу в Варшаве – по существу, восстановить университет, закрытый в 1831 г.). Но полякам этого было мало. В июле–августе 1862 г. состоялось три покушения на великого князя Константина

⁷⁶ Столыпин А. Средниково (Из семейной хроники) // Столица и усадьба. 1913. № 1. С. 2.

⁷⁷ Революционный радикализм в России: Век XIX. М.: Археографический центр, 1997. С. 35.

Николаевича и руководителя гражданского управления маркиза А.И. Велепольского. Готовилось восстание, об этом открытым текстом сообщалось в «Колоколе». Главной целью восстания провозглашалась независимость Польши от России. Восстание началось в январе 1863 г. и было окончательно подавлено к маю 1864 г. Таким образом компромисс найти не удалось. Покидая Варшаву в октябре 1863 г., отставленный Константин Николаевич горько заметил: «Теперь наступает время палачей». Восстание ничего не дало для польской самостоятельности, но оно сильно изменило обстановку внутри России. Консервативная партия праздновала поражение великого князя Константина Николаевича и в его лице – всех реформаторов. Либеральная политика Константина Николаевича в Польше окончилась провалом, тогда как грубая солдатская работа пришедшего ему на смену М.Н. Муравьева обеспечила восстановление порядка, то есть «примирительная политика» закончилась традиционно: ружейной пальбой и артиллерийской канонадой. Польша стала для великого князя тяжелым поражением. Его открыто обвиняли в измене, в попустительстве националистическим устремлениям поляков. Давление было настолько сильным, что Константин Николаевич на некоторое время был вынужден отойти от дел и уехать за границу. Великий князь категорически отвергал обвинения: «Я свято исполнил данную мне программу. К глубокому сожалению, она не привела к доброму результату»⁷⁸. Вероятно, это было правдой, он просто выполнял поручение Александра II.

Жизнь дворян второй половины XIX в. очень сильно отличалась от первой половины столетия (до отмены крепостного права). «Известно, что в старые годы... гостеприимство наших бар доходило до баснословных пределов, – писал П.А. Вяземский, – ежедневный открытый стол на 30, на 50 человек было дело обыкновенное. Садись за этот стол, кто хотел: не только родные и близкие знакомые, но и малознакомые, а иногда и вовсе незнакомые хозяину». У В.А. Всеволожского «даже в обыкновенные дни за стол садилось 100 человек». Все иностранные путешественники отмечали необычайное гостеприимство русских дворян. «В то время гостеприимство было отличительной чертой русских нравов, – читаем в «Записках» француза Ипполита Оже, – можно было приехать в дом к обеду и сесть за него без приглашения. Хозяйева предоставляли полную свободу гостям и в свою очередь тоже не стеснялись, распоряжаясь временем и не обращая внимания на посетителей: одно неизбежно вытекало из другого. Рассказывали, что в некоторых домах, между прочим, у графа Строганова, являться в гостиную не было обязательно. Какой-то человек, которого никто не знал ни по имени, ни какой он был нации, тридцать лет сряду аккуратно являлся всякий день к обеду. Неизбежный гость приходил всегда в том же самом чисто вычищенном фраке, садился на то же самое место и, наконец, сделался как будто домашнюю вещь. Один раз место его оказалось не занято, и тогда лишь граф заметил, что прежде тут кто-то сидел. «О! – сказал граф, – должно быть, бедняга помер». Действительно, он умер дорогой, идя по обыкновению обедать к графу»⁷⁹.

Крупная помещицья благоустроенная усадьба первой половины XIX в. представляла собой замкнутый хозяйственный организм. Из продуктов раз или два в год закупали на ярмарках только чай, кофе, сахар, рис, изюм, чернослив для вина. Эта замкнутость усадьбы усиливалась еще и наличием в ней собственных мастерских с крепостными ткачами, кружевницами, вышивальщицами, портными, сапожниками, столярами, живописцами, музыкантами и певчими, поварами, виноделами. В пореформенный период все изменилось. Многие дворяне практически потеряли свое первоначальное престижное положение высшего сословия империи в связи с ухудшившимся материальным положением. Продавая большую часть земли и по возможности оставляя за собой усадебный дом предков с приусадебной территорией, эти поместные дворяне все чаще стремились поступить на службу в город. Но формируемое поко-

⁷⁸ Перетц Е.А. Дневник. М.-Л., 1927. С. 28.

⁷⁹ Записки Ипполита Оже // Русский архив. 1877. Кн. 1. М.: Тип. Лебедева, 1877. С. 53–78.

лениями у многих помещиков-крепостников нежелание и неумение трудиться, склонность к беспечности, недостаток инициативы, слабо развитое чувство ответственности вызывали на службе в городе подчас неприязнь и даже презрение у деловых людей. Поэтому они пытались возвратиться к своему старому положению, особенно если у него еще сохранились не только усадебный дом, но и часть имения, и в новых условиях путем повинностей, сдачи в аренду земли, стараясь удержаться «на плаву» уходящего из-под ног прежнего благополучия⁸⁰.

Поэтому в 1869 г., не имея финансовой возможности поддерживать такое большое имение, А.Д. Столыпин продал его купцу 1-й гильдии И.Г. Фирсанову (известному московскому купцу, нажившему в сравнительно короткое время громадное состояние в несколько десятков миллионов рублей). Имение было куплено за 75 тыс. руб., причем И.Г. Фирсанов вернул эти деньги, только продав на вырубку окружавший усадьбу лес (около 1 тыс. дес.); распродажа антикварной обстановки усадьбы дала ему еще 45 000 руб.⁸¹ Пахотные земли, леса и усадьба впоследствии были проданы более чем за миллион рублей, а на его землях был построен полустанок Фирсановка Николаевской железной дороги⁸².

До XVIII в. включительно дворянский ребенок был желанным как продолжатель рода, но бесправным существом. Его обыденные отношения с родителями определялись этикетом и не были особо близкими. Становясь взрослыми, дети сохраняли зависимость от родителей в повседневной жизни. Во взаимоотношениях с братьями и сестрами, которые были на положении взрослых, сохранялась та же дистанцированность. Ниже детей в повседневной жизни по положению были только крепостные. По отношению к детям допускалось любое действие (например, наказания, переходящие в истязания). Положение ребенка-дворянина в XVIII – первой половине XIX в. можно назвать полубесправным: он занимал низшее положение в повседневной жизни по отношению ко всем свободнорожденным, но в то же время не смешивается с крепостными. Государство начинало рассматривать дворянского ребенка как потенциального служащего по достижении 10 лет. К этому возрасту обыденная жизнь и обучение ребенка были таковы, что он, как правило, оставался малограмотным или совсем неграмотным. В первой половине XVIII в. родители сначала под нажимом государственной власти, а позже добровольно сделали уроки частью повседневной жизни своих детей. Дети, отданные в учебные заведения, где весь распорядок их обыденной жизни был направлен на обучение, имели шанс получить неплохое по тем временам образование, но их было меньшинство. Мальчиков готовили к исполнению служебных обязанностей, а девочек – к семейной жизни. При низком уровне образованности и полной несамостоятельности малолетний дворянин оказывался на военной или гражданской службе чаще всего по решению взрослых. Служба для таких детей составляла содержание их повседневной жизни. После часов, проведенных на рабочем месте, ребенок возвращался к своим играм и занятиям. Для некоторых мемуаристов служебная повседневность заменила школу. Несмотря на низкий образовательный уровень, детям могли доверять исполнение ответственных поручений⁸³.

В первой половине XIX в. взаимоотношения детей с родителями в обыденной жизни стали менее холодными и натянутыми, но патриархальность в целом сохранялась. К середине века стали распространяться педагогические учения, рекомендовавшие строить повседневные взаимоотношения с детьми на основе любви и понимания. Родители контролировали детей в их повседневной жизни, не ущемляя их самолюбия, обращали внимание на их чувства.

⁸⁰ Оноприенко И.Г. Изменение социально-экономического статуса дворянского сословия в пореформенный период (на примере Центрального Черноземья) // Научные ведомости Белгородского гос. ун-та. Сер. История. Политология. Экономика. Белгород: Изд-во БелГУ, 2007. №1 (32). С. 63–66.

⁸¹ Галашкина А. Середниково. М.: Де Агостини, 2011. С. 1–10.

⁸² Варенцов Н. Книга судеб. Фирсанов // Новая юность. 1998. № 1–2 (28–29).

⁸³ Мартианова И.Ю. Дворянское детство в отечественной истории XVIII в. // «Под сенью Святого Георгия»: материалы V Междунар. дворянских чтений / отв. ред. Е.М. Сухачева. Краснодар: Кубанькино, 2009. С. 166–172.

Детей уже ставили в те же материальные условия, что и взрослых, в зависимости от общего достатка. Их любовь взрослые стремились заслужить, а не принудить к почитанию репрессивными мерами. Забота об образовании потомства стала обыденной нормой. Значительное число дворян продолжало получать домашнее образование, которое более зависело от повседневного течения жизни, чем образование в казенном учреждении по специальным программам. Дети в меньшей степени подвергались дома идеологической обработке, знакомились с более разнообразными мнениями взрослых. Ранний переход к обязанностям взрослой жизни сохранялся, но уровень подготовки детей становился выше. Положение в отношении детской службы изменилось, так как государство с 1803 г. потребовало для исполнения должностей предъявлять документ об образовании. Однако общество реагировало на такое нововведение медленно, и только к середине XIX в. детская служба фактически исчезла. Девочки, как и мальчики, рано приступали к обязанностям повседневной взрослой жизни. Для них они начинались с выходом замуж. Закон позволял замужество с 16 лет, но его соблюдение не контролировалось. С 11 лет девочка могла считаться невестой. Мужчины, бравшие в жены девочек-подростков, обычно мотивировали свой выбор тем, что малолетние еще не развращены светской жизнью. Выйдя замуж, малолетние жены должны были рожать и воспитывать детей, вести хозяйство. Повседневная практика раннего замужества у дворян просуществовала дольше, чем отдача на службу малолетних мальчиков⁸⁴. Во второй половине XIX в. нормой обыденной жизни и мальчиков, и девочек стали учебные занятия, которые велись вплоть до поступления на службу и замужества. Детство удлинилось и стало самоценным в глазах взрослых.

Светское общество относилось к бытовой стороне жизни как к явлению, глубоко содержательному, имеющему самостоятельное значение. Правила хорошего тона отнюдь не сводились к набору рекомендаций типа: в какой руке держать вилку, когда снимать шляпу и проч. Разумеется, этому дворянских детей тоже учили, но подлинно хорошее воспитание основывалось на ряде этических постулатов, которые должны были реализовываться через соответствующие внешние формы поведения. Обучение искусству нравиться людям становилось важнейшим моментом в воспитании дворянского ребенка. Никаких особенных секретов здесь не было: детям объясняли, что следует быть с людьми неизменно внимательным и доброжелательным, с уважением относиться к чужим взглядам и привычкам, не задевать самолюбие других, а самому держаться скромно и приветливо. Но помимо нравственных принципов их вооружали умением дать почувствовать людям свое уважение и доброжелательность, причем сделать это в тактичной и ненавязчивой форме. Юные дворяне усваивали не только элементарные правила, вытекающие из этих принципов (не перебивать собеседника, смотреть людям в глаза, не сидеть, когда другие стоят, и т. п.), но перенимали множество едва уловимых оттенков в поведении и манерах, которые и сообщают человеку качества, именуемые такими словами, как «любезность» и «учтивость». Чтобы выглядеть естественно, хорошие манеры должны стать привычкой, выполняться машинально – и потому рядом с каждым дворянским ребенком неизменно присутствовал гувернер или гувернантка, бдительно следящие за каждым его шагом. Чтобы уверенно играть свою роль – держаться свободно и непринужденно – светскому человеку, как актеру, нужно было уметь хорошо владеть своим телом. В этом отношении особое значение имели уроки танцев. Танцам обучали всех дворянских детей без исключения, это был один из обязательных элементов воспитания. Сложные танцы того времени требовали хорошей хореографической подготовки, и потому обучение начиналось рано (с пяти-шести лет), а учителя были очень требовательными, порой просто безжалостными. На уроках танцев дети учились не только танцевать, но и умению держать себя: изящно кланяться, легко ходить,

⁸⁴ Мартианова И.Ю., Минц С.С. Дворянский ребенок XVIII – первой половины XIX вв. как объект и субъект истории: методологические заметки // Ежегодник историко-антропологических исследований, 2009. М.: Изд-во ЭКОНОМИНФОРМ, 2009. С. 125–133.

подавать руку даме и т. д. Многолетняя упорная тренировка придавала светским людям их непринужденную элегантность. Их свободная и уверенная манера держать себя проистекала из убеждения, что им некому подражать – напротив, другие должны подражать им.

Главными предметами, на которые тратили большую часть учебного времени, были иностранные языки. Наряду с манерами именно знание иностранного языка сразу определяло место дворянина на внутридворянской иерархической лестнице. В первой половине XVIII в. таким языком был немецкий, хотя некоторые дворяне, благодаря хозяйственным связям и участию в войнах, могли говорить и по-английски, по-шведски, по-фински, по-голландски. Со времен Елизаветы Петровны «королем языков» становится французский. Сама Елизавета владела этим языком свободно и охотно общалась на нем с европейскими дипломатами и своим медиком И.Г. Лестоком. мода на французский язык «свалилась» на дворянство достаточно неожиданно. Так начался французский этап дворянского образования и воспитания, о котором столько было сказано обличительных и негодующих слов. И все же во второй половине XIX в. французскому языку пришлось потесниться. К этому времени он был общепринят. Из языка дворянской элиты французский превратился в язык интеллигенции, и в высших слоях дворянства появился новый фаворит – английский. На рубеже XIX–XX вв. русский высший свет предпочитал подчеркивать свою элитарность именно английским языком и вообще англоманией. На этом языке говорили в семье Николая II; ему учили английские бонны и гувернантки, оказавшиеся в эти годы очень востребованными.

По воспоминаниям брата П.А. Столыпина – Александра, первое, что он помнил, – это то, как горько плакал, когда какой-то старик дразнил его «Александрой Аркадьевной» за то, что всех маленьких детей (в том числе и мужского пола, до 4–8 лет), по моде того времени, «одевали девочками». (Обычай этот среди привилегированных классов зародился в Европе еще в эпоху Возрождения. Постепенно, вместе с остальными прозападными веяниями, он проник и в Россию и достиг даже царской семьи. Причиной его возникновения было повысившееся в этот период внимание к женской одежде. Угасать данный обычай стал в период Первой мировой войны и окончательно исчез в 20-х гг. XX в. Противоположным данному течению в моде был возникший интерес среди женского населения на Западе (особенно в США) к ношению атрибутов мужской одежды.) В Средниково они жили лето и зиму. «Были снежки, катанье на салазках, а в дурную погоду беготня и игры по всему дому, – писал он. – Однажды играли в войну. Старший брат Михаил поставил мою сестру на часы и дал ей охотничью двухстволку, которую она держала наперевес, стоя в темном коридоре. Брат мой Петр с разбегу наткнулся носом на дуло ружья и, весь окровавленный, упал в обморок. Можно себе представить волнение нашей матери, пока в трескучий мороз, за тридцать верст, привезли из Москвы доктора. Горбинка на носу брата Петра осталась навсегда следом этого происшествия»⁸⁵.

С 1869 г. П.А. Столыпин жил в имении Колноберже (по немецки – Березовая гора), находившимся в Ковенской губернии (нынешняя Литва), в 30 км от Кедайняй. Три столетия данное имение принадлежало графам Радзивиллам, а после – графам Чапским. После подавления Польского восстания 1863 г. граф Э. Чапский за участие в нем был сослан в Сибирь, а имение Колноберже было конфисковано. Конфискованные имения по бросовым ценам начали продавать лицам русского происхождения. В результате Колноберже досталось родственнику Столыпиных генерал-адъютанту С.Е. Кушелеву, командиру гвардейского Измайловского полка, который проиграл отцу П.А. Столыпина – А.Д. Столыпину в Санкт-Петербургском яхт-клубе солидную сумму денег. Не имея возможности отдать долг, С.Е. Кушелев уступил А.Д. Столыпину Колноберже (835 дес.). Впоследствии А.Д. Столыпин приобрел для своей сестры соседнее с Колноберже имение, владелец которого, был также сослан на каторгу за участие в Польском восстании 1863 г. Отец П.А. Столыпина, однажды наведавшись в Колноберже, настолько полю-

⁸⁵ Столыпин А. Средниково (Из семейной хроники)... С. 2.

бил его, что решил обосноваться в Литве и купил дом в Вильно, как он объяснял, чтобы быть поближе к этому поместью. Двухэтажный дом с большим садом располагался на Стефановской улице (ныне улица Швянто Стяпоно). По воспоминаниям А. Гене: «Перед русско-турецкой войной жил в Вильно отец молодого Столыпина, шталмейстер Столыпин. Это был человек разносторонне образованный, обширного ума, доступный в обращении. Он рассказывал, как, приехав в Петербург из Крыма, он докладывал государю Николаю ход военных действий, причем, за неимением чертежей, рисовал местность мелом на ломберном столе. Несмотря на свое высокое положение, Столыпин не чуждался общественной деятельности: он был гласным в городской думе, членом дворянского клуба и принимал поручения по делам города и клуба. Незадолго до объявления войны в дворянском клубе была назначена ревизия хозяйства и в ревизионную комиссию были выбраны три члена, в том числе шталмейстер Столыпин. Этот аристократ не отказался от нового дела. Он вместе с комиссией подробно осматривал клубное имущество, поверял хозяйство, ведущиеся книги и даже спустился в винный погреб. Один из членов клуба, поляк, имевший придворное звание, узнав, что Столыпин находится в погребе, спустился также туда и выразил удивление, что русский сановник принимает участие в счете бутылок. Ревизионная комиссия выполнила свое поручение весьма хорошо, поверила все имущество, рассмотрела более 20-ти книг и составила по сему предмету подробный доклад, который был прочитан общему собранию членов... Столыпин жил в собственном доме с большим садом на Стефановской улице. Эта улица не отличалась чистотой, и Столыпин пожаловался однажды полицеймейстеру на существующую грязь. Тот отвечал: "Я скажу в городской управе, что вас собирается навестить генерал-губернатор; тогда городское управление очистит улицу". Живя в Вильно и занимаясь музыкой, оба Столыпина, отец и сын, написали театральную пьесу патриотического содержания, отвечавшую на злобу дня: ополчение русских. Эта пьеса шла несколько раз в Виленском театре и имела успех. Особенно нравилось публики пение последних слов:

И Белоруссия, Литва
Не будут Польшей никогда⁸⁶».

Все теплое время года (с апреля месяца) вплоть до 1889 г. родители П.А. Столыпина проводили теперь в Колноберже. Имение это было скромным: относительно небольшой и простой главный дом в два этажа, длинный одноэтажный каменный флигель, хозяйственные постройки. Главный дом был построен в первой половине XIX в. в голландском стиле и использовался бывшим владельцем как охотничий домик. Он был небольшим по размерам и весь уместился бы в одном флигеле барского дома в Средниково. В Колноберже перенесли часть обстановки и огромную (примерно 10 000 томов) библиотеку из старых великорусских имений, в первую очередь из Средниково. В библиотеке Колноберже стояли шкафы из красного дерева из Средниково, кабинет из светлого дуба с мебелью, обтянутой вышивкой собственной работы матери П.А. Столыпина. Над диваном в кабинете висели большие портреты в дубовых рамах родителей П.А. Столыпина. Были в Колноберже и старые голландские картины, которые были проданы в начале революции, чтобы приобрести хлеб и другие продукты питания. К Колноберже также примыкали фольварки – хутора Петровский и Ольгино, так названные, очевидно, в честь хозяев. Водопровод в Колноберже собрались построить только в 1904 г. Управляющий Штраухман писал П.А. Столыпину: «Водопровод обойдется около 1 000 руб. Ямы для клозетов можно на 30 сажень от дома устроить, устроитель водопровода ручается, что клозеты вонять не будут»⁸⁷.

⁸⁶ Гене А. Виленские воспоминания // Русская старина. 1914. № 6. С. 580–610.

⁸⁷ Жиргулис Р. Петр Столыпин и Кедайнский край // Невыученные уроки П.А. Столыпина: материалы Междунар. кон-

В Колноберже братья Столыпины много ездили верхом и знакомились с помещичьим бытом, читали книги. По свидетельству брата Александра, в детстве старшими товарищами по играм у Столыпиных были князья Павел и Петр Долгорукие. Значительную часть жизни они проводили также с матерью. Отец продолжал служить в армии и не уделял детям постоянного внимания; они говорили позднее, что он был для них скорее дядя, чем отец. Однако это не мешало хорошим отношениям П.А. Столыпина с отцом. Здесь же он получил домашнее образование. По семейной традиции П.А. Столыпину и братьям дали хорошее образование. Воспитывали его первоначально дома английская гувернантка, французский и немецкий учителя, благодаря чему он свободно говорил на четырех языках (и до конца жизни регулярно читал по-французски и по-немецки). Мать П.А. Столыпина в повседневной жизни обычно говорила на французском языке.

Наступала пора поступать в гимназию. Сам термин «gymnasion» (греч.) и «gymnasium» (латин.) имел несколько значений: 1) место для физических упражнений и ведения бесед философов и ученых; 2) общеобразовательная школа, обладающая следующими признаками: гуманитарный уклон обучения; подготовка к университетскому образованию; наличие классических языков (латинского и греческого). Первые гимназии были образованы в Древней Греции. В Средние века название «гимназия» было введено для обозначения специальных средних школ, которые готовили учащихся для поступления в университеты. Основным предметом преподавания был латинский язык. В гимназиях изучались лучшие латинские писатели «золотого века», много внимания уделялось трудам Цицерона. Эпоха Реформации характеризовалась понижением интереса к античной культуре, и, хотя древние языки остались в системе обучения важнейшими, главными задачами гимназий стала подготовка к поступлению в университет, где преподавание велось на латыни, и подготовка чиновников и служителей церкви. В конце XVI в. в Германии в гимназиях стали вводить новые языки, естествознание; преподавание стало вестись на национальном языке, однако классические языки остались в большом объеме. Многие ученые того времени настаивали на обучении с учетом реалий современного мира. Это педагогическое направление получило название реалистического, что привело в дальнейшем к появлению реальных гимназий и реальных училищ. В реальной школе на первом месте стояли математика и естествознание. В XIX в. вокруг гимназического образования велись споры, в результате которых в ряде стран были приравнены в правах классическая гимназия с двумя древними языками (латинским и греческим), классическая гимназия с одним языком (латинским) и реальные училища, где древние языки отсутствовали. Древние языки занимали значительное место в общей системе преподавания (около 70 %). С 1870 г. в Европе аттестат зрелости реальной школы позволял учащемуся поступать в университет наравне с выпускниками классических гимназий.

Учебные заведения гимназического типа в России существовали давно. Славяно-греко-латинская академия ведет свою историю с 1685 г., когда братья Лихуды открыли школу в Благовещенском монастыре. Преподавание там велось на латинском и греческом языках. Сословного ограничения при приеме в академию не было. История собственно гимназий началась с немецкой школы, открытой в 1701 г. в Немецкой слободе. Она занимала просторные палаты боярина В. Нарышкина и получила официальное название гимназии, где учили «языкам и философии мудрости». Программа включала, помимо древних и новых языков, философию, политику, риторику, арифметику и географию. Начало перелома в деле гимназического образования в России было положено в XVIII в. В 1726 г. при Академии наук была открыта гимназия, получившая название академической. Основной задачей гимназии считалась подготовка к военной и гражданской службе. Главными предметами гимназии являлись латинский, греческий, немецкий и французский языки, риторика, логика, история, арифметика. С 1747 г.

преподавание стало вестись на русском языке, учащиеся были освобождены от наказаний плетью. В начале XIX в. в России были введены учебные округа и гимназии стали открываться повсеместно. В 1803 г. Александр I приказал в каждом губернском городе открыть гимназию. В 1804 г. был принят первый гимназический устав, по которому целью провозглашалась подготовка к поступлению в университеты. В 1811 г. по указанию министра народного просвещения графа С.С. Уварова была проведена следующая реформа. В ходе ее были сделаны изменения в учебном плане: введен Закон Божий, отечественный язык (русский), логика; исключены политэкономия, мифология, коммерческие науки, эстетика, философия. В 1819 г. для всех гимназий России был введен единый учебный план, который практически свел на нет реформу 1804 г. Были установлены сословный прием и возвращены телесные наказания, значительная роль стала отводиться религии. Обучение длилось семь лет.

Следующий этап развития гимназии связан с царствованием Николая I. Направление новых реформ объявил новый министр просвещения А.С. Шишков. «Обучать грамоте весь народ или несоизмеренное число одного количеству людей, принесло бы более вреда, чем пользы». Уже в 1825 г. с высочайшего утверждения было приказано: науки политические исключить; число уроков, назначаемых для изучения риторики и поэзии, уменьшить; выбор тем для сочинений не предоставлять выбору учителей; списки учащихся в гимназии предоставить в полицию; все предметы преподавать на русском языке. В результате этого 8 декабря 1828 г. «Комитет устройства учебных заведений», организованный в 1826 г., составил новый устав, согласно которому гимназии должны были в своем обучении преследовать такие цели, как подготовка к поступлению в университеты и уклон на общее воспитание и образование⁸⁸. При Николае I была введена форма для гимназистов: «Сюртук синий однобортный с белыми медными пуговицами, воротник малиновый, с погончиками на плечах, панталоны синие поверх сапог, фуражка синяя солдатская с малиновым околышем» – для разночинцев. Для благородных гимназистов полагался «университетский мундир с треугольной шляпой, но без шпаги»⁸⁹.

Постепенно в обществе складывалось мнение о необходимости приближения гимназического образования к реальной жизни, и 21 марта 1849 г. в России была проведена следующая гимназическая реформа. Курс стал делиться на общее и специальное обучение. Начиная с четвертого класса, все учащиеся разделялись на юридическое и латинское отделения. Первое готовило для чиновной службы, второе – для поступления в университет. Под влиянием общественности с 1861 г. стала смягчаться система гимназического образования, специальные комиссии начали работу по составлению нового устава, отражающего потребности жизни и общества. В 1864 г. был введен новый Устав, и гимназии стали делиться на классические и реальные; первые, в свою очередь, подразделялись на обучение с одним древним языком и с двумя древними языками. Окончившие классическую гимназию принимались в университет без экзаменов, а окончившие реальную гимназию могли поступать в высшие специальные учебные заведения и на физико-математический факультет университета. Была провозглашена безусловная сословность гимназии. Телесные наказания были категорически отменены. В 1866 г. министр просвещения Д.А. Толстой назначил комиссию по разработке нового устава, целью которого оставалось возрождение классицизма в образовании. 30 июля 1871 г. новый устав гимназий и прогимназий был утвержден. Обучение длилось восемь лет (седьмой класс был двухгодичным). Согласно новому уставу основное значение придавалось изучению древних языков; исключалась естественная история; космография заменялась математической географией; шло уменьшение числа часов на чистописание, рисование, черчение,

⁸⁸ Устав гимназий и училищ уездных и приходских, состоящих в ведомстве университетов: Санкт-Петербургского, Московского, Казанского и Харьковского (8 декабря 1828 г.) // Полное собрание законов Российской империи. Собр. II. Т. III. СПб.: Тип. II Отделения Собственной его императорского величества канцелярии, 1830. С. 1111.

⁸⁹ Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности министерства народного просвещения. 1802–1902. СПб.: Издание Министерства народного просвещения, 1902. С. 453.

историю и Закон Божий. Вновь вводилась логика. Была введена система классных наставников; на преподавателей были возложены воспитательные функции; одному преподавателю разрешалось вести разные предметы; директор и инспектор должны были вести предметные уроки в классах⁹⁰.

В 1874 г. в 12 лет П.А. Столыпин был определен во второй класс Виленской гимназии. Данный округ очень сильно отличался от учебных округов, располагавшихся в русских губерниях. В Литве и Белоруссии, которые когда-то входили в Речь Посполитую, было очень сильно польское влияние. Виленский учебный округ был учрежден через 8 лет после третьего раздела Польши в 1803 г. Первоначально в его состав входили Виленская, Гродненская, Минская, Могилевская, Витебская, Киевская, Подольская и Волынская губернии. Первым попечителем округа стал князь А. Чарторыйский, большое влияние на сферу управления образованием оказывал ректор Виленского университета И. Стройновский⁹¹. Основу системы народного образования в Виленском учебном округе составили учебные заведения, существовавшие еще в XVIII в. К ним относились католические и униатские училища⁹². Опираясь на поддержку императора Александра I, А. Чарторыйскому удалось укрепить позиции польской культуры в области образования. Было переведено на польский язык преподавание во всех учебных заведениях округа, существовавших изначально как русскоязычные⁹³. Уровень среднего образования в Виленском учебном округе в дореформенный период был значительно выше, чем в губерниях Европейской России⁹⁴. По количеству гимназий Северо-Западный край превосходил Московский и Санкт-Петербургский учебные округа. В 1864 г. в четырех губерниях Виленского учебного округа было 13 гимназий и 3 прогимназии⁹⁵.

Работа гимназий Виленского учебного округа осуществлялась в соответствии с российским учебным законодательством. В основных чертах организация гимназического образования была такой, как и в других регионах империи. Вместе с тем в политике правительства здесь прослеживалось стремление использовать учебные заведения для решения политических проблем. Польское восстание 1863–1864 гг. стало поворотным событием в политике правительства в северо-западных губерниях. В нем участвовали учителя и ученики средних учебных заведений Виленского учебного округа. Трудно определить точное количество учащихся, выступавших против властей. Можно говорить о том, что гимназии и прогимназии округа значительно опустели. Так, в отчете по управлению Виленского учебного округа за 1863 г. отмечалось: «Шавельская, Поневежская, Гродненская, Новогрудская и Слуцкая гимназии потеряли около половины или даже более своих учеников; Минская и Виленская также потеряли каждая около трети части учащихся»⁹⁶. Этот факт местные власти не могли игнорировать. Генерал-губернатор Северо-Западного края М.Н. Муравьев считал, что именно гимназии Виленского учебного округа воспитали в своих недрах врагов правительства и самодержавия. Он предлагал сократить число средних учебных заведений в крае. Однако И.П. Корнилов считал,

⁹⁰ Горбунов П. Программы и устав городских училищ министерства народного просвещения (по Положению 31 мая 1872 г.). М.: Тип. А.Г. Кольчугина, 1891. С. 5–6.

⁹¹ Сергеев В.В., Ершова О.И., Гулюк М.А., Шараева Е.И. Виленский учебный округ: политика российского правительства в области образования (вторая половина XIX в. – начало XX в.) // Российские и славянские исследования: научн. сб. Вып. III. Минск: БГУ, 2008. С. 57–75.

⁹² Гурецкий А. А. Политика царизма в области образования в Белоруссии в конце XVIII в. – первой четверти XIX в. (1772–1825 гг.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Минск: БГПУ им. М. Танка. 1998. С. 12.

⁹³ Там же. С. 6.

⁹⁴ Евдокимова Е.Л. Гимназическое образование в Беларуси: Исторический опыт и тенденции развития (XIX в. – нач. XX в.). Минск, 1998. С. 36.

⁹⁵ Сергеев В.В., Ершова О.И., Гулюк М.А., Шараева Е.И. Виленский учебный округ: политика российского правительства в области образования (вторая половина XIX – начало XX в.)... С. 57–75.

⁹⁶ Извлечение из отчета управления Виленского учебного округа за 1863 г. // Журнал Министерства народного просвещения. 1864. № 7. С. 498.

что средние учебные заведения – это сильное орудие русского общества для культурной борьбы с местным польским влиянием. По его мнению, нужно было позаботиться не о закрытии средних учебных заведений, а о том, чтобы «сделать их не только безвредными, но и полезными для государства и для русского образовательного и культурного дела»⁹⁷. Такие разные точки зрения в дальнейшем определили два основных направления в политике правительства в области среднего образования в Виленском учебном округе: сокращение числа гимназий и прогимназий и усиление русской культуры и проправительственных настроений среди учащихся и преподавателей⁹⁸.

Также из средних учебных заведений полностью был вытеснен польский язык. Учителей обязали следить за тем, чтобы воспитанники в гимназиях и прогимназиях и вне их во время игр и занятий разговаривали между собой только по-русски. Более того, правительство пошло на радикальную меру: ввело преподавание Закона Божьего римско-католического исповедания на русском языке. При этом на русский язык было переведено только несколько учебников и катехизисов, прошедших строгую цензуру. В рамках политики русификации правительство приняло меры по увеличению в гимназиях и прогимназиях числа православных учащихся, облегчив им доступ в учебные заведения.

Система подготовки педагогических кадров для Виленского учебного округа сложилась в середине 60-х – первой половине 70-х гг. XIX в. и практически в неизменном виде просуществовала до революции 1905–1907 гг. Отдельные попытки готовить учителей предпринимались и в дореформенную эпоху. Но только после восстания 1863–1864 гг. правительство разработало и стало проводить в белорусско-литовских губерниях особую образовательную политику, реализация которой потребовала целого комплекса мероприятий по подготовке педагогов. Помимо образовательного, эта политика имела важный внутривнутриполитический аспект: заменить польское культурное влияние в крае русским. В условиях бурного развития пореформенной России, сопровождавшегося поисками самоидентификации населения национальных регионов, от успеха борьбы с полонизмом зависело будущее российского правления в северо-западных губерниях. Поэтому подготовка педагогических кадров заняла важное место в образовательной политике правительства. Готовить не просто лояльных учителей, а активных проводников «русского начала» в образовании – таким был замысел А.П. Ширинского-Шихматова и И.П. Корнилова, стоявших у истоков системы подготовки педагогических кадров для Виленского учебного округа⁹⁹.

Восстание 1863–1864 гг. показало, что многие преподаватели-католики не были лояльны к российскому правительству. В течение 1864 г. И.П. Корнилов уволил практически всех учителей-поляков, выплатив им жалованье за год вперед. Был закрыт и Виленский дворянский институт, готовивший преподавателей польского языка. Русским же преподавателям и немцам-остзейцам, прибывшим в округ, в феврале 1864 г. правительство предоставило ряд серьезных льгот. Так, они получали 50 % надбавки к окладу, двойные прогоны, подъемные, ускоренную выслугу. В результате введения этих льгот на 80 вакансий в гимназиях и уездных училищах к осени 1864 г. было подано 360 прошений. Кроме того, М.Н. Муравьев предложил создать в округе «русский» университет, где все преподаватели и подавляющее большинство студентов были бы православными. Однако Министерство народного просвещения предложило иной

⁹⁷ Корнилов И.П. Русское дело в Северо-Западном крае: Материалы для истории Виленского учебного округа преимущественно в Муравьевскую эпоху. СПб., 1901. С. 10.

⁹⁸ О закрытии одних и преобразовании других средне-учебных заведений в Северо-Западном крае с обращением части их сумм на устройство там женского образования // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 4. СПб., 1871. Т. 4. С. 927.

⁹⁹ Гулюк М.А. Подготовка преподавателей для Виленского учебного округа в российских университетах во второй половине XIX в.: правительственная политика // Вытокі гістарычнай навукі БДУ. Минск, 2005. С. 201–204; Белецкий А. Краткий исторический обзор деятельности управления Виленского учебного округа в XIX столетии // Виленский календарь на 1904 г. Вильна, 1903. С. 262.

план по русификации средних учебных заведений округа. В 1863–1864 гг. в университетах страны было создано 60 новых педагогических стипендий для Виленского учебного округа. Воспользоваться ими могли только православные уроженцы края и русские либо немцы-остзейцы. За пользование стипендией (300 руб. в год) полагалось отработать шесть лет в гимназиях округа. Именно этот вариант был одобрен Александром II, и стипендиаты Виленского учебного округа стали до начала XX в. основным источником кадров для средних заведений округа. К 80-м гг. XIX в. Виленский учебный округ занял третье место в России по числу работавших в средних учебных заведениях выпускников столичных университетов¹⁰⁰.

Виленскую гимназию не раз посещали высокопоставленные лица. Так, в августе 1838 г. ее посетил министр народного просвещения, граф С.С. Уваров. Это событие было записано в протоколах заседания Совета «для всегдашнего воспоминания». 20 августа 1838 г. «назначен был общий смотр ученикам и представление чиновников гимназии», которые были собраны на гимназическом дворе. После представления преподавателей С.С. Уваров вместе с князем Долгоруковым «обошел ряды воспитанников и любовался их красивою наружностью». В рисовальном зале министра приветствовали речами на русском, латинском и немецком языках. 21 августа было испытание учеников всех классов. Испытание производилось «в русском языке по чтению, декламации и правописанию, по русской истории и хронологии (по методу Язвинского) и по латинскому языку». «Я многого ожидал, – заметил министр, – но то, что здесь нашел, превзошло все мои ожидания»¹⁰¹.

С 1845 г. при Виленской гимназии начал действовать «конвикт для бедных учащихся в Виленских средне-учебных заведениях» (на углу Михайловского переулка, около костела св. Михаила), который в 1870 г. был переименован в «общую ученическую квартиру». Впоследствии при ней было открыто общежитие, куда принимались пансионеры с платой в 300 руб. в год и полупансионеры – в 240 руб. Плата за обучение в гимназии вносилась особо. При поступлении в общежитие единовременно уплачивалось 30 руб. на «первоначальное обзаведение». Пансионеры получали все необходимое, а полупансионеры – только стол, учебники, пособия, письменные принадлежности и стирку белья.

6 сентября 1858 г. Виленскую гимназию посетил император Александр II. Вначале он осмотрел музей, потом – учебные классы на втором и третьем этажах. После этого царь вышел на гимназический двор, где были собраны все преподаватели и гимназисты. Увидев большое количество людей, он спросил: «Сколько учащихся?» Директор ответил, что в гимназии с тремя параллельными классами учится 575 человек. «Много, очень переполнено», – сказал на это Александр II. Попечитель Виленского учебного округа заметил, что такая картина почти везде и для того, чтобы снять данную проблему, нужно открывать новые гимназии. После этого царь осмотрел конвикт, больницу при нем на 4 кровати, столовую и кухню. Общаясь с обитателями конквинкта, Александр II спросил: «Не далеко ли детям ходить из конквинкта в классы?» В кухне он приказал налить себе из общего котла супа, приготовленного к обеду и начал есть его с хлебом. Пообедав, император сказал: «Но и детям Вашим пора обедать! Они ведь обедают в 3, а теперь 4 часа». Выходя после осмотра, Александр II сказал попечителю: «Хорошо! Все чисто, опрятно. Все, что я видел сегодня, чрезвычайно радует и утешает меня. Благодарю Вас за Ваше попечение и вполне надеюсь, что оно увенчается совершенным успехом. Благодарю!» Визит этот имел благоприятные последствия. Так, 17 апреля 1859 г. по высочайшему указу были усилены штаты гимназий. В Виленской гимназии годовое жалованье старших учителей было увеличено до 650 руб., младших – до 550¹⁰².

¹⁰⁰ Сергеевкова В.В., Ершова О.И., Гулюк М.А., Шараева Е.И. Виленский учебный округ: политика российского правительства в области образования (вторая половина XIX – начало XX в.)... С. 57–75.

¹⁰¹ Юницкий Н. Виленская первая гимназия // Сборник сведений о средних учебных заведениях Виленского учебного округа. Вильна: Тип. М.Р. Ромма, 1873. С. 20.

¹⁰² Юницкий Н. Виленская первая гимназия... С. 35–36.

Окончивший гимназию в Вильно в 1895 г. сын артиллерийского офицера, живописец, график, художник театра, ведущий участник творческого объединения «Мир искусства» М.В. Добужинский (1875–1957) оставил очень интересные воспоминания о ней: «Гимназия, куда я поступил, находилась на узенькой, очень оживленной Замковой улице, в самом центре города, и занимала длинный флигель упраздненного университета. Дом, наверно, был XVIII в., может быть и старше, стены и пол были неровные, а окна наших классов громадной высоты и почти до полу. Громадной величины были и кафельные печи, которые жарко натапливал маленький старичок, наш гимназический сторож». Стены были «необыкновенной толщины... широкий коридор поднимался в верхний этаж пандусом вместо лестницы, – там помещалась домашняя православная церковь... Старый университет представлял из себя довольно сложный конгломерат зданий с внутренними дворами и переходами. От прежних времен сохранилась и небольшая башня давно упраздненной обсерватории с красивым фризом из знаков Зодиака. Все эти здания окружали большой двор... засаженный деревьями; ко двору примыкал стройный фасад белого костела св. Яна, а рядом с костелом стояла четырехугольная колокольня с барочным верхом, возвышавшаяся над всеми крышами Вильны. В Вильне старина как бы обнимала меня (даже в гимназии), и я жил среди разных преданий, связанных с городом». По словам М.В. Добужинского, в Вильно «было множество мест, о которых рассказывали таинственные истории, говорили, что под городом протекает подземная река, что из Замковой горы ведут какие-то древние подземные ходы и коридоры чуть ли не к Троцкому замку... У подножья горы, среди площади, в стороне от других зданий, стояла высокая колокольня кафедрального костела св. Казимира, и ее неуклюжая странной формы база тоже говорила о седой древности: по преданию, которому хотелось верить, этот массивный каменный блок и был тот самый языческий алтарь Знич, где горел неугасимый огонь вайделотов. В то время Вильна была исследована мало, мы постоянно натывались на неожиданные открытия: так, в одном упраздненном католическом монастыре нашли в подвалах огромное количество черепов – все отмеченные на лбу красным знаком креста, что изумило своей загадочностью. Живым преданием был в Вильне почитаемый всеми чудотворный образ Остробрамской Божьей Матери: в часовне, над городскими воротами с гербом Литвы – скачущим витязем с обнаженным мечом, сиял среди свечей и лампад кроткий лик этой Мадонны в обрамлении тяжелой золотой ризы, украшенной короной и нимбом... А внизу узенькая улица, проходящая под воротами, всегда была полна коленопреклоненной толпы. Драгоценным делало город и то, что в величавом кафедральном костеле почивали в гробницах великие князья и княгини литовские, и, по преданию, сам воинственный Витовт; все в Вильне казалось полным таинственности, геройства и святости»¹⁰³.

«Город с его необыкновенно оживленной уличной жизнью еще больше оживлялся в большие праздники, на Рождество и Пасху. На рождественские каникулы наезжало множество студентов из Варшавы, Петербурга и Москвы, и еще более праздничными делались улицы, всегда полные веселого звона бубенчиков – неперменной принадлежности извозчичьих санок (зима всегда была снежная, с крепким морозом). В Сочельник ходили по домам "славильщики", эти певчие распевали неуклюжие вирши, а иногда это сопровождалось пантомимой. Помню одни такие "стихи": "Ах, вы глупые литвины, ведь Христос не ест ботвиньи, принесите кашку с молочком или меду с сочком". На Крещение по домам ходили – тоже по старому обычаю – "три короля!" – Каспар, Мельхиор и Балтазар и обязательно в компании с безымянной королевой. На головах у них всех были картонные золотые короны, а у королевы еще и белая вуаль до пят, которая в оттепель жалко обмокала и грязнилась. Балтазар был арап ("мужин" – по-польски), и лицо его было густо замазано сажей. В Великом посту, 4 марта, – день св. Казимира – был еще один народный праздник – Кермаш (Kermess), который оживлял тоже весь город. Большая пустая площадь перед Кафедрой (позже там был разведен сад) заполнялась огромным базаром.

¹⁰³ Добужинский М.В. Воспоминания. М.: Наука, 1987. С. 92–96.

Из окружных деревень и местечек наезжали телеги, нагруженные всяким товаром – самодельной глиняной посудой, домоткаными материями, коврами, дорожками и, главное, бубликами и баранками с тмином, маком, "чернушкой" и без всего, которых были целые горы. Наиболее лакомые были аппетитно поджаренные сморгонские бублики – круглые шарики с дырочкой, нанизанные на бечевку, как бусы. Их на базаре покупатели надевали, как бусы, и разгуливали, шлепая по весенним лужам. Такой же базар и гулянье – праздник, но поменьше, был и летом в день св. Петра и Павла около красивейшего собора этих святых на Антоколе, в предместье Вильны, где почему-то особенно много продавалось пряников. Были пряники белые, мятные, и вроде "вяземских", медового цвета и вкуса, а также какие-то розовые, в виде подбоченившихся человечков и скачущих лошадок. На Пасху город снова радостно оживал, и тогда уже пахло весной. В каждом доме накрывался пасхальный стол со всевозможными яствами, который стоял целую неделю. Кроме традиционной творожной пасхи, кулича с бумажной розой и окорока, изготавливались разные торты и "мазурки", из которых помню необыкновенно вкусную миндальную "легуминку" – специальность виленской Пасхи. Стол украшали и расписными яйцами, "писанками", часто очень затейливого рисунка, их привозили из литовских деревень – произведения настоящего народного литовского творчества. Таял снег, и ручьи бежали с веселым журчаньем вдоль всех тротуаров (по "ринштокам", как называли глубокие уличные канавки в Вильне), и веяло какими-то незнакомыми мне и волнующими весенними запахами. Когда мы жили на окраине города, то даже зловоние "полей орошения", которые лежали между нашей "усадьбой" и "Закретом" – заповедным лесом, как-то странно-приятно соединились с весенними воспоминаниями»¹⁰⁴.

Совершенно другое восприятие от Виленской гимназии осталось у Юзефа Пилсудского, будущего главы Польши и известного русофоба: «Я стал учеником... Виленской гимназии, – писал он в 1903 г. в статье "Как стать социалистом", – находящейся в стенах старинного Виленского университета, бывшей альма-матер Мицкевича и Словацкого. Выглядело все здесь иначе, чем в их времена. Хозяйствовали здесь, учили и воспитывали молодежь царские педагоги, которые приносили в школу всякие политические страсти, считая в порядке вещей попирающие самостоятельности и личного достоинства своих воспитанников. Для меня гимназическая эпоха была своего рода каторгой... Не хватило бы воловьей кожи на описание неустанных, унижающих придинок со стороны учителей, их действий, позорящих все, что ты привык уважать и любить... В таких условиях моя ненависть к царским учреждениям, к московскому притеснению возрастала с каждым днем»¹⁰⁵.

Однако Юзеф Пилсудский благополучно закончил эту «школу угнетателей», в отличие от председателя ВЧК Ф.Э. Дзержинского, также бывшего в свое время учеником Виленской гимназии и отчисленного из последнего восьмого класса. Гуляя в 1909 г. со своей будущей женой в окрестностях Кракова, Ф.Э. Дзержинский эти годы вспоминал неохотно. «Скупое, но с ненавистью вспоминал Феликс гимназический режим, русификаторство, шпионаж за учениками, принудительное посещение в табельные дни молебнов, дрессировку на квартире учителя гимназии в Вильно, где он жил вместе с братьями», – писала С.С. Дзержинская¹⁰⁶. Много лет спустя, в 1914 г., Ф.Э. Дзержинский утверждал практически то же: «Когда я вспоминаю гимназические годы, которые не обогатили моей души, а сделали ее более убогой, я начинаю ненавидеть эту дрессировку, которая ставит себе задачей производство так называемых интеллигентов. И светлые воспоминания мои возвращаются к дням детства и перепрыгивают через

¹⁰⁴ Добужинский М.В. Воспоминания. М.: Наука, 1987. С. 92–96.

¹⁰⁵ Цит. по: Наленч Д. и Т. Юзеф Пилсудский (Легенды и факты). М.: Изд-во полит. лит-ры, 1990. С. 11.

¹⁰⁶ Дзержинская С.С. В годы великих боев. М., 1975. С. 123.

школьные годы к более поздним годам, когда было так много страданий, но когда душа приобрела столько много богатств»¹⁰⁷.

Русский язык в тот период был больной темой для Ф.Э. Держинского. Виленская гимназия считалась цитаделью русского образования и культуры, и все преподавание строилось вокруг этого. Несмотря на предпринятые меры по его адаптации к учебе, в первом классе он остался на второй год, так как плохо знал русский язык, на котором велось обучение в гимназии. Между тем в семье Ф.Э. Держинских всегда говорили по-польски, и обучение русскому языку молодого Феликса началось при помощи старшей сестры Альдоны только в 7 лет. Однако помощь сестры ограничивалась каникулярным периодом. Домашнего обучения было явно недостаточно, как учитывая указанное обстоятельство, так и то, что у самой Альдоны на шестом году обучения была переэкзаменовка по русскому языку. Впрочем, как и оставление Феликса на второй год, так и переэкзаменовку Альдоны можно рассматривать не только как оценку их знаний, но и как результат целенаправленной политики русификации, характерной для виленских гимназий того времени. Так, Альдона была оставлена на переэкзаменовку по русскому языку только потому, что не смогла объяснить значение всего лишь одного русского выражения «студеная вода». На вопрос учителя она ответила, что это вода из студня (по-польски «колодец»). На недоуменный вопрос педагога одноклассница сестры Держинского объяснила, что по-польски колодец называется студней. Узнав, что Альдона дома говорит по-польски, преподаватель заявил: «Я научу вас говорить по-русски. Получите переэкзаменовку!»¹⁰⁸

Формальным поводом для исключения Ф.Э. Держинского из Виленской гимназии был его конфликт с преподавателем русской словесности И.Г. Раком. Сущность данного инцидента состояла в том, что Ф.Э. Держинский, проходя по коридору, заметил объявление, которое вывесил Рак. В нем содержалось следующее предписание: «Настоящим доводится до сведения господ гимназистов, что разговаривать в классах, коридорах и иных помещениях вверенной мне гимназии разрешается только на русском языке. Виновные в нарушении сего предписания будут строго наказываться». Гимназист Ф.Э. Держинский сорвал это объявление и побежал в учительскую. Там вокруг большого овального стола сидело несколько преподавателей: пили чай, разговаривали, просматривали тетради. Ф.Э. Держинский швырнул на стол перед И.Г. Раком сорванное объявление и сказал: «Вот ваше предписание, вы сами готовите борцов за свободу! Неужели вы не понимаете, что национальное угнетение ведет к тому, что из ваших учеников вырастут революционеры?!»¹⁰⁹

Вместе с тем следует отметить, что, в отличие от Юзефа Пилсудского, Ф.Э. Держинский все-таки стал продуктом русификации и даже В.И. Ленин, намекая на него, говорил, что обрусевший инородец является еще более русским, чем сами русские.

Не очень хорошо отзывался о Виленской гимназии и другой ее знаменитый ученик, известный в будущем актер В.И. Качалов, тогда еще не взявший свой псевдоним и носивший фамилию Шверубович. В разговоре с профессором В.Н. Сперанским, также выпускником гимназии и своим однокашником, он говорил, что, «несмотря на принадлежность свою тогда к господствующей национальности и к привилегированному православию, он вспоминает гимназические годы с одной только грустью, даже жутью»¹¹⁰.

Для поступления в Виленскую гимназию требовались следующие документы: 1) метрическое свидетельство (для христиан) или заменявшее его удостоверение (для нехристиан); 2) свидетельство о звании или послушной список отца; 3) удостоверение о привитии оспы; 4)

¹⁰⁷ Феликс Держинский. Дневник и письма. М., 1956. С. 158.

¹⁰⁸ Держинская-Кояллович А.Э. Воспоминания сестры // О Феликсе Держинском. Воспоминания, очерки, статьи современников. 2-е изд., доп. М., 1987. С. 17; Ратьковский И.С. «Гимназистки влюбились в него по уши»: Виленская гимназия в жизни «железного Феликса». 1887–1896 гг. // Новейшая история России. 2014. № 2 (10). С. 197–217.

¹⁰⁹ Неизвестный Держинский (Факты и вымыслы). Минск, 1994. С. 18.

¹¹⁰ В.Н. Сперанский о Держинском-гимназисте // Русская жизнь. 2009. 29 января.

фотографическая карточка. Плата за обучение взималась в размере 40 руб. в год в «нормальных и приготовительных» классах и 60 руб. в год – в параллельных. Кроме того, лица иудейского вероисповедания вносили по 8 руб. в год за «слушание закона божьего еврейской веры». Также еще по 4 руб. платили те ученики IV–VIII классов, которые занимались рисованием¹¹¹. «Наибольшим многолюдством отличались младшие классы гимназии, до IV включительно... Среднее число учащихся в каждом отделении названных классов – 51 человек, больше установленной нормы на 11 человек. В старших классах число учащихся постепенно понижалось... Среднее число учеников в каждом из них 30 человек. Многолюдству гимназии... не соответствовало назначенное для нее помещение, в котором, при тесноте большей части классных комнат, а также при неудобстве некоторых из них по недостатку света и воздуха, ощущался и недостаток нужного количества комнат: в гимназии не было рекреационного зала, так что ученики принуждены в холодное время года и в ненастную погоду наполнять во время перемен коридоры»¹¹².

Главная задача Виленской гимназии состояла в том, чтобы «дать образованию юношества направление, согласное с общим духом народного просвещения в России... сблизить его с русскими понятиями о долге гражданина и человека». Это было особенно трудно после Польского восстания 1863 г., так как «страсти, пробужденные тогда беспорядками», на тот момент еще не утихли, «волнение умов продолжалось». На гимназистов оказывало влияние не только образование, но и родители, многие из которых принимали деятельное участие в мятеже. Поэтому необходимо было побороть среди учащейся молодежи «возбужденное раздражение, пересоздавая в то же время коренные основы воспитания и заменяя польские начала русскими»¹¹³.

Большая часть учеников, почти 80 %, жили у своих родителей или ближайших родственников. «Для возможно более успешного достижения благоприятных результатов своей воспитательной деятельности гимназия постоянно имела в виду привлечь к участию в делах умственного и нравственного воспитания детей их родителей. С этой целью между классными наставниками и родителями и воспитателями учеников были установлены постоянные сношения». Следя за ходом учебных занятий в их классах и за всей классной жизнью учеников, классные наставники принимали все меры к тому, чтобы родителям учеников или лицам, «заступавшим их место», постоянно и своевременно сообщались сведения обо всем, что касается учеников. Для этого требовалось, чтобы ученики с точностью записывали в свои классные журналы каждый заданный им урок и еженедельно проверяли эти записи, внося в то же время в них свои замечания и замечания других преподавателей, а также выставляя полученные за учебу баллы. Журналы свои ученики должны были каждый раз предъявлять дома родителям для просмотра и засвидетельствования своей подписью. Кроме того, для личных свиданий классных наставников с родителями учеников назначались в течение всего учебного года и объявлялись «во всеобщее сведение особые часы» (не менее двух раз в неделю), а в некоторых случаях родители приглашались в гимназию. Меры взыскания, применявшиеся для предупреждения или пресечения проступков со стороны учеников, были следующими: а) одиночное сидение в классе; б) выговор классного наставника перед классом; в) оставление в гимназии на 1 час после уроков с оповещением об этом родителей; г) назначение особых занятий на дом в праздничные и воскресные дни, «для пополнения упущенного»; д) задержание в гимназии на время до 3 часов; е) выговор инспектора перед классом с внесением в штрафной журнал; ж) заключение в карцер на время от 1 до 4 часов; з) выговор директора перед классом, с пони-

¹¹¹ Виноградов А.А. Путеводитель по городу Вильне и его окрестностям. Вильна: Тип. Штаба Виленского военного округа, 1904. С. 241.

¹¹² Серебряков С.В. Исторический очерк столетнего существования Первой гимназии. 1803–1903 гг. Ч. 1. Вильна. 1903. С. 57–93; Ратьковский И.С. Из Вильно в Петербург: выпускники Первой Виленской гимназии в Санкт-Петербургском университете // Клио. 2013. № 10. С. 99–101.

¹¹³ Юницкий Н. Виленская первая гимназия... С. 37.

жением балла за поведение; и) заключение в карцер на время от 4 до 8 часов; к) заключение в карцер на время от 8 часов до одних суток; л) выговор от имени педагогического совета.

Форма учеников в гимназий и прогимназий по Уставу гимназий и прогимназий Министерства народного просвещения 1864 г. включала: а) однобортный полукафтан темно-зеленого цвета с черными пуговицами, с отложным воротником и с петличками на нем из синего сукна; б) жилет темно-зеленого сукна, однобортный, с черными пуговицами; в) галстук черный, суконный или шелковый; г) пальто темно-зеленое, суконное по существовавшим образцам, с суконными петлицами синего цвета и с черными пуговицами; д) фуражка темно-зеленого сукна, с суконным околышем синего цвета. Попечители учебного округа имели право разрешать отступление от этой формы сообразно местным условиям и времени года¹¹⁴. Форма данного образца весьма напоминала обмундирование русской армии – был возвращен стоячий «гвардейский» воротник, введены французские кепи. С военными гимназистов роднило и серое двубортное пальто «офицерского образца», а также песочного цвета башлык из верблюжьего сукна, надев который воспитанники в полной мере ощущали себя «господами военными». Иногда их действительно с ними путали. М.В. Добужинский приводил такой случай: «Один хлыщеватый драгунский вольноопределяющийся в потемках около того же самого катка принял меня за офицера: я был высокого роста, и мое форменное светло-серое пальто было совсем офицерского покроя. Он вытянулся и взял «под козырек», я же нашелся и вежливо сказал: "Пожалуйста, не беспокойтесь, проходите" (как говорил мой папа юнкерам и кадетам в таких случаях), тут же расхохотался»¹¹⁵

¹¹⁴ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. СПб., 1865. Т. III. Столб. 1301–1311.

¹¹⁵ Добужинский М.В. Воспоминания... С. 102.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.